

Сергей Масленников

БЕГСТВО НА ВОСТОК

РОМАН-ПРЕДСКАЗАНИЕ

Сергей Масленников

Бегство на Восток.
Роман-предсказание

«Издательские решения»

Масленников С.

Бегство на Восток. Роман-предсказание / С. Масленников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968588-9

История о странах Европы 30-х годов нынешнего столетия. Вся территория Европы поделена на две зоны влияния, приверженцы каждой из которых яростно сражаются за поля, фермы, воду и города — вернее то, что от них ещё остается. Двое англичан из «Белого гетто» бегут через Европу на восток, туда, где существует и живёт полноценной жизнью иной мир, наполненный любовью и радостью, мир, который несёт планете спасение, как и предсказывали пророки — Нострадамус, Эдгар Кейси, Ванга и другие провидцы...

ISBN 978-5-44-968588-9

© Масленников С.
© Издательские решения

Содержание

Джон	6
Боевое крещение	11
Побег	13
Голова и ведьмы	18
Евротоннель	24
Материк	32
Мари	35
Патрик	40
Пёс	54
Пятеро	59
Сон	61
Погоня	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Бегство на Восток

Роман-предсказание

Сергей Масленников

© Сергей Масленников, 2019

ISBN 978-5-4496-8588-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Ничто не ново под луною:
Что есть, то было, будет ввек.
И прежде кровь лилась рекою,
И прежде плакал человек...
Карамзин Н. А.*

Джон

Джон понял, что теперь всё – для него здесь точно жизни больше не будет. То, что произошло, было последней каплей, из-за которой давно зревшая мысль превратилась в жгучее желание.

Желание, которое охватило его быстро-быстро и, самое главное, что он не хотел ему противиться, а наоборот – хотел, как можно быстрее осуществить задуманное.

Он понимал, что сделать это будет нелегко, да что там – крайне тяжело и смертельно опасно. Выйти за пределы гетто для белгетов легко, а вот выжить в Городе – это уже смертельный трюк, а о дальнейшем путешествии на восток – даже страшно подумать....

«Странно, – подумал Джон, – еще 12, ну 15 лет назад скажи мне кто-нибудь, что будет существовать „гетто для белых гетеросексуалов“ в самом центре бывшей когда-то Европы – да просто бы посмеялся бы в лицо этому идиоту.... А теперь – идиот, оказывается – я.... И это гетто находится ни где-нибудь, а в самом престижном районе столицы одного из главных государств, вернее – бывшем престижном районе бывшей столицы бывшего государства...»

Произошедшее событие, казалось бы, не имеет большого значения для проживающих в гетто, однако те, кто мог думать наперёд и просчитывать варианты дальнейших событий – те понимали неминуемую гибель гетто, а, следовательно, и его обитателей.

А Джон, ввиду рода деятельности и склада ума, был именно таким человеком, вот почему он и принял решение бежать на восток – в Россию. Почему именно в Россию, а не в Китай – он и сам не знал. Просто пришло понимание, что надо пытаться добраться именно туда.

В этом, пока ещё спокойном, оазисе нормальной жизни за высоким забором сохранилась нормальная жизнь, нормальные человеческие отношения, ещё иногда смеялись люди, ещё работали школы и был даже университет. Здесь заключались браки только между мужчиной и женщиной, здесь рождались дети и они называли маму – мамой, а папу – папой. Они знали кто они – мальчик или девочка. Здесь были церкви и велись службы, основанные на Библии, на настоящей, не искаженной сатанинской как за забором, а той самой Библии – от Господа.

Все, кто жил в гетто, никогда не были за забором. Выход за забор был возможен только при одном условии – обратно зайти было уже нельзя. Сначала, когда только организовывались такие гетто, люди ещё ходили в Город, однако воздействие того, что там творилось, настолько сильно действовало на них, что некоторые не выдерживали и сходили с ума, другие же наоборот – старались привнести в гетто обычаи той жизни, вернее – существования тех, кто был в Городе. Такие попытки немедленно и жёстко пресекались, а инициаторы выдворялись за пределы гетто навсегда. Чтобы избежать повторения таких случаев, и было принято решение о полной изоляции гетто.

За годы существования гетто те, кто жил в Городе несколько раз атаковали гетто с целью захватить его, однако все эти попытки были успешно и жестоко пресечены, почти все нападавшие были убиты и в последние несколько лет обитателей гетто не беспокоили нападения. По имеющимся данным – сейчас за забором шла настоящая война, и обеим сторонам было не до нападений на гетто.

Жители гетто понимали, что спокойствие долго продолжаться не будет и придёт время, когда не спасет ни забор, ни хорошо вооруженная добровольная полиция, да даже если все жители гетто выйдут на защиту – им не победить тех, кто придёт за их жизнями. Поэтому белгеты старались не думать об этом, а просто жили пока живется....

Джон много думал о происходящем за забором, потому что он был один из немногих, кто постоянно следил за жизнью обитателей Города через оставшиеся спутники и еженедельно докладывал руководству гетто обо всех изменениях, происходящих там. А изменения происходили постоянно, и с каждым днём жизнь там становилась всё ужаснее и ужаснее.

Анализируя прошедшие годы и происходящее сейчас, Джон давно понял – кто является истинным виновником уничтожения Старого Света, кто поджёг тот самый фитиль в пороховой бочке на Ближнем Востоке, а затем и в Средней Азии. И сейчас эта страна, волею судьбы находящаяся за тысячи километров от Европы и Азии и когда-то бывшая США, – именно она фактически уничтожила все страны Европы и многие страны арабского мира, и именно она сейчас прекращает своё существование как государство с ветвями власти, как страна с, пусть и не долговечной, но всё-таки историей, как территория на которой жили, любили, женились, рожали детей миллионы беззаботных людей. И не их вина, а их беда в том, что они слепо верили всему, что говорили их лидеры, которые преследуя одну-единственную цель, привели когда-то великую страну к гибели. Но это всё там – за океаном....

Происходящее же здесь, на территории Европы – иначе как усилившимся кошмаром назвать и нельзя....

Началось же всё примерно 15 лет назад – в 2014—2015 годах. Именно тогда умело зажженный Пиндостаном (такое название США стало нарицательным именем несколько лет назад) огонь войны между двумя когда-то братскими славянскими народами и привел к жёсткой конфронтации между двумя системами. Именно тогда мир разделился на две части, которые сейчас ведут борьбу за выживание, и именно тогда, только благодаря мудрым действиям правителей нескольких могущественных стран и был образован союз, который не дал развалить эти страны и не изнутри и не снаружи. Практически все страны, бывшие республики Советского Союза, Китай, Индия, и Монголия, ставшая под протекторат России, а также некоторые страны Южной Америки – вот те государства, которые отгородились от остальных пока ещё государств и негосударств железным занавесом в прямом и переносном смысле этого слова. И на то были и есть веские, очень веские причины.

Слепо следовавшие за гибельным курсом США власти-марионетки стран Европы не вняли немногочисленным голосам разума, раздававшихся в их странах и это привело к их гибели – как физической, так и моральной.

Конечно, всё началось задолго до этих лет. Всё началось с бомбежки Югославии, с Сирии, с Ливии – с этих, так называемых, арабских весен, с цветных революций, похожих одна на одну как сестры-близнецы, производимых грубо, жёстко, под одной схемой и направленных только на одно – на полный развал государств, в которых они проводились. Именно тогда была заложена пиндосами мина замедленного действия, которая и рванула в 2015—2016 годах.

Вот тогда-то жители стран Ближнего Востока и Африки сплошным потоком хлынули в Европу, сотнями тысяч прорываясь через границы, погибая тысячами в водах Средиземного моря, задыхаясь в кузовах грузовиков и в трюмах утлых посудин, умирая от голода и жажды в странах Европы, которые поначалу помогали всем беженцам, однако когда количество мигрантов достигало в год одного-двух и больше миллионов, когда бюджеты стран Евросоюза перестали справляться с выплатой пособий, тогда местные жители, несмотря на всю свою толерантность, – забыли о ней и взялись за оружие, защищая свои жилища, потому что болезни, грязь на улицах, преступность на улицах больших и малых городов расцвела буйным цветом и полиция вместе с вооруженными силами стран уже не справлялась с ней.....

Вот тогда и пришло прозрение к руководству Евросоюза и стран Старого Света.... Но было уже поздно. Формально государства существовали, формально действовали законы, формально власти присутствовали на местах, но – уже никак не могли изменить сложившуюся ситуацию, никак не могли помочь гражданам собственных стран!

Заведенный порядок рухнул не в одночасье, нет – к гибели государств, которые когда-то составляли цвет мировой культуры, бывшими когда-то передовым отрядом науки и техники, которые подарили миру многих великих людей и изобретений, которые вместе с Советским Союзом победили фашизм и не дали миру сгнить в коричневой чуме, к этой гибели привела

политика меркелей, олландов, кэмеронов и иже с ними! Именно они виноваты в уничтожении Старого Света! Именно в годы их правления началась гибель Европы....

Но страшно было не только засилье миллионов мигрантов-мусульман, заполонивших Европу и пытающихся ввести привычный им порядок жизни за счет строительства мечетей, самовольной постройки домов на захваченных территориях, создания собственной мусульманской полиции, действующей, сначала, в анклавах проживания мигрантов, а затем и вышедшей за их пределы....

Страшно было другое – моральное разложение жителей стран Европы, которое началось исподволь, с конца 20 века и продолжающееся и сейчас.

Однако хватит горьких воспоминаний – надо было готовиться к бегству. Основной задачей Джон считал тщательную проработку маршрута, потому что любая ошибка могла привести к гибели. Ведь ему предстояло пройти почти всю Европу, лавируя между территориями занятыми враждующими группировками, стараясь идти по нейтральной земле, желательно вблизи ферм, ныне разбросанных по всем землям Старого Света.

И жители мусульманских общин, и обитатели закрытых территорий для «высшей расы», как называли себя ярые последователи буйствующей моральной деградации из числа коренных жителей Европы, еще ютились в городах, а на их фермах находился только «рабочий скот», то есть пленники из враждебного лагеря и сменяющаяся охрана. Этими фермами были заняты все когда-то свободные земли, они принадлежали обоим враждебным кланам и обеспечивали их продовольствием.

Именно мимо этих ферм и лежал путь Джона на восток. Он сразу решил избегать каких-либо населенных пунктов, даже самых малых деревень и сел, потому что вероятность пройти через них и выйти оттуда живым была очень и очень маленькой. Джон рассчитывал, что его путь, длиной в более чем полторы тысячи километров, займет у него приблизительно месяц-два. Конечно, более спокойный маршрут проходил по югу Европы, однако Альпы, а затем и Карпаты делали его нереальным. Через горы без специального снаряжения ему было не пройти, да и альпинист из него был, так скажем – никакой. А поэтому Джон выбрал северное направление: Кале – Брюссель – Берлин – Варшава – Минск. Конечно, эти города были не более чем реперные точки его маршрута, потому что заходить в них было просто безумием. Разделенные на части воюющими сторонами, эти города сейчас напоминали большие концентрационные или военные лагеря – повсюду колючая проволока, стены, ограждения, часовые на вышках, дозоры вдоль нейтральных полос, отделяющих один враждебный лагерь от другого. Непрекращающиеся нападения, постоянные вооруженные стычки, минирование и обстрелы, захват пленных, насилие и показательные казни с последующим поеданием мяса врагов – всё это стало нормой и воспринималось остальным миром как само собой разумеющееся. Физически сильные пленные отправлялись на фермы для изнуряющей бесконечной работы на полях. Женщин и детей, захваченных в плен, ждала участь гораздо страшнее. Часть из них оставлялась, так сказать, для улучшения расы. Остальные же шли в котел....

Да – каннибализм стал нормой после 2022 года, так как из-за огромного наплыва мигрантов, из-за засухи в течение трех лет, а потом таких же холодных и жутко дождливых неурожайных трех лет, когда волна голода прокатилась по всей Европе, когда катастрофически стало не хватать пищи, когда люди, как в средние века, ели кошек и собак, не говоря уже о домашних животных, когда были разграблены и разгромлены все животноводческие фермы. Именно в этом году были обнародованы первые факты поедания человеческого мяса и, вместо ожидаемого эффекта гнева и немедленной расправы с виновниками, сам папа римский Иоанн XXIII, в прошлом возглавлявший «Легион Христа», издал энциклик, в котором признал эти факты с позиции католической церкви как имеющими место быть ввиду тяжести мирского существования. Впрочем, это никого особо и не удивило после всех тех оправданных и введенных

в повседневную жизнь извращений – церковь признала наличие души у животных, священники стали проводить венчание людей и животных, взрослых и детей, человека и предметов....

Папа, в миру носивший имя Балтассар Косса в честь своего средневекового кумира, являл собой пример священника полностью соответствующего духу этого страшного времени. Именно он и стал апологетом нового прочтения Священного писания. Он последовательно вел паству к дальнейшему моральному разложению, так как именно он и был основным инициатором того, что сатанисты завладели душами и сердцами людей с помощью Ватикана и окончательно извратили церковь в 20-х годах.

В том числе и опасность быть съеденным заставляла Джона прокладывать маршрут в обход мало-мальски населенного пункта. Изобретенный в конце 10-х годов препарат для очищения воды, который производители воды не успели задушить в самом зародыше, и который стал выпускаться сначала в Китае, потом в России, а затем уже и массово хлынул в магазины всего мира, должен был помочь Джону в его бегстве. Сам факт изобретения этого препарата не так интересен, как то, что он смог дойти до человечества. Как он дошел и стал доступен каждому, как он погубил десятки корпораций, не говоря уже о сотнях средних и тысячах мелких производителей воды – это действительно настоящая фантастика!

Он был изобретен содружеством ученых России и Китая в 2019 году и получил название «ОВО» – «очиститель воды обыкновенный». Конечно же, в названии чётко прослеживалась параллель с известным выражением «ab ovo», которое в переводе с латыни обозначает «с яйца», то есть – «с самого начала». И сам препарат, простой в применении и спасший миллионы жизней по всему свету, – был явно подарком небес гибнущему человечеству. При всех происходящих в последние годы катаклизмах без него смертей было бы в тысячи раз больше. Сразу же после его изобретения все ученые были скрыты от глаз общественности и по двустороннему соглашению между Россией и Китаем, на самом высоком уровне, было принято беспрецедентное решение о начале выпуска «ово» сначала на заводах Китая, а потом и России. Все попытки западных спецслужб и особенно Пиндостана, все требования правительств стран и Старого и Нового Света, все нападки, вплоть до угрозы применения военной силы с одной только целью – остановить выпуск этого препарата – не привели ни к чему. Когда же его было произведено огромное количество, то он был одновременно завезен во все крупные города двух стран и его продажи начались в один день и в один час на всей территории двух стран. Это дало возможность сделать его доступным по цене практически для всех жителей обеих стран. Простота его производства, удобство в применении и высокое качество получаемой воды сделали этот препарат незаменимым для каждого человека. И все сумасшедшие крики

о его вреде, все попытки запретить его на западе, все скандальные уничтожение первых партий, поставленных в города Европы и Пиндостана – всё это не привело ни к чему и не спасло от гибели монополистов от воды. Сами жители этих стран выступили с оружием в руках на защиту своего права иметь этот препарат в каждом доме.... Это был первый массовый случай, когда мирные жители вышли на улицы с оружием, чтобы отстоять своё право на самостоятельное решение, когда они сами сказали своё слово и никто не смог пойти против их воли. Таким образом, этот препарат, изобретенный учеными двух великих стран, стал достоянием всего человечества.

Вопрос с обеспечением водой во время опасного и трудного пути был решен, а вот проблема с пищей оставалась насущной. Джон понимал, что по дороге ему вряд ли удастся разжиться какой-либо провизией на фермах или вблизи поселений, питаться человечиною он не сможет, а значит – выход был только один: собирательство и охота. Кое-где – в оставшихся лесах, особенно в предгорьях, еще можно было найти и ягоды и встретить зверя.... Люди из городов боялись выходить в леса, а если и шли, то устраивали многочисленные походы, уничтожая всю попадавшуюся живность на своем пути.

Ходили слухи, что в горах якобы живут какие-то то ли люди, то ли нелюди – их называли «горцы». Но набеги на фермы происходили, и последствия от них были просто ужасны. Как правило – на фермах никто не выживал после этого, сами фермы были полностью разорены и поля сожжены, а вода отравлена. Такие набеги случались достаточно редко, но слухи о них заставляли людей отсиживаться в городах.

Джон знал и об этой опасности. Поэтому основное внимание уделил экипировке. Одежду для своего похода он сделал из нескольких старых, но всё ещё крепких маскхалатов, которые нашел на складе военного обмундирования во время подготовки к несению дежурства и незаметно вынесенных им в ночи, во время караула, и спрятанных недалеко от его поста. Сшитый из них в единое целое комбинезон представлял собой большую кучу пожухлой травы, маленьких кустов и веток деревьев – настолько реалистичная была расцветка у военной одежды. Изнутри теплый и удобный, снаружи комбинезон не пропускал воду, не издавал запах и держал температуру окружающей среды, что давало возможность быть незамеченным в окрестностях тепловизора. Обувь Джон также взял на складе – это были крепкие, прорезиненные сапоги с металлическими нащёлками на мысках. Оружие Джон решил взять своё – надежный АК-108, у которого практически отсутствует отдача, а глушитель обеспечивает незаметность при стрельбе. Уже несколько раз этот автомат выручал Джона при несении дежурства, да что там выручал – он просто спасал его жизнь, не подводя ни разу! Джон помнил свое первое дежурство, в которое и произошло его боевое крещение. Это было одно из последних нападения бойцов из «высшей расы» на гетто.

Боевое крещение

Была холодная дождливая ночь ноября, когда дождь сменялся мокрым снегом, летящим косо из-за сильного ветра, когда практически ничего не было видно и даже свет прожектора, скользкий по стене не сильно улучшал видимость. Лёжа в укрытии, Джон напряженно всматривался в темноту, изредка прерываемую лучом света, до боли напрягая глаза, пытаясь разглядеть край стены. Время его дежурства было глубокой ночью, почти под утро, то есть самое тревожное и опасное время, когда вероятность нападения очень высока, при том, что и погода помогала врагу незаметно попытаться пробраться в гетто. Джон сумел убедить начальника караула, что дежурить надо именно ему в это время, однако с ним в паре, для подстраховки, на посту находился и более опытный боец, на счету которого уже было много отраженных нападений.

Пол, так звали этого простого парня из деревушки Арлингтон, что в Котсуолде, был пекарем, обладал огромным ростом, недюжинной силой, быстротой реакции и удивительным спокойным нравом. Джон знал его достаточно хорошо, потому что в основном все дежурства они проводили на пару. Пересекаясь с Полом в дежурке, они много говорили о разном, и Джон понимал, сколько горя этот молчаливый парень перенес в своей жизни. Пол пришел в гетто всего несколько лет назад, и он был один из немногих, кому удалось вырваться из того мира. Он потерял всё, что было дорого его сердцу – жену с ребенком, родителей, братьев и маленькую сестренку.... Он просто опоздал, возвращаясь из Глостера, и поэтому не успел спасти свою семью. Будь он там во время нападения бойцов «высшей расы» на их деревушку, возможно, они бы были живы и сейчас.... Не помогли ни крепкие заборы вокруг деревни, ни яростное сопротивление всех жителей деревни... ничего не могло спасти их неминуемой гибели – уж слишком много было нападавших, уж слишком внезапным было нападение, уж слишком жестоки были эти нелюди.... Пол приехал не домой, он приехал на догорающее пепелище, вокруг которого стояли шесты, на которых были насажены окровавленные головы его отца и братьев. Их полусожженные обезглавленные трупы лежали под обломками сарая. Его любимых женщин не было нигде.... Сколько Пол ни пытался найти их – ему это не удалось. И он пришел в гетто, пришел, чтобы набраться сил, чтобы прийти в себя и снова отправится на поиски. Эту историю Пол рассказал Джону гораздо позже и то, после второй бутылки виски. Слёзы душили этого здорового мужика, больно было видеть, как плачет его душа, как страдает его сердце, и насколько велико его желание найти и покарать убийц, которые лишили его всего самого ценного в жизни, да и самой жизни они его лишили....

А сейчас лежа на крыше здания и наблюдая за стеной, отделяющей их мир от кошмара, творящегося там – Джон молчал и ждал, он ждал врагов, он чувствовал, что бойни не избежать, что именно сегодня, в эту ненастную ночь их будут атаковать эти недочеловеки, поклоняющиеся сатане или фанатики-мусульмане, не менее страшные в своей животной ярости, с холодящим кровью, криком на устах....

И он успел разглядеть в прицел ночного видения белое пятно фигуры, пытающееся накрыть колючую проволоку, пущенную поверх стены, каким-то предметом, и он был не один! Сразу несколько человек пытались одновременно на большом расстоянии сделать верх стены доступным для того, чтобы хлынуть потоком на территорию гетто. Раздавшийся внезапно выстрел справа встряхнул Джона, заставил моментально дать короткую очередь в мечущееся по стене белое пятно, заставил автоматически глянуть на дальномер в правом углу прицела и выбрать нужный режим стрельбы и снова выстрелить в другую фигуру, а затем в следующую и в следующую.... Замечая, как пронзенные его пулями тела виснут на колючке, Джон понимал, что только что он убил человека, только что он впервые лишил жизни такого же как он –

он прервал чье-то дыхание, разорвал чье-то сердце, оборвал чью-то нить жизни и воспоминаний, любви и надежды....

– Это не люди, – услышал он голос Пола, – они не чувствуют ни боли другого, но жалости к кому-либо, а поэтому убивая их, ты спасаешь себя.

Пол как будто услышал мысли Джона и вовремя прервал их своими словами. Рука Джона вновь окрепла, и он снова увидел белые пятна, пытающиеся перебраться через стену. Он продолжал нажимать на спусковой крючок, короткими очередями взрывая пулями фигуры врагов, мечущиеся перед ним в прицеле. К их стрельбе уже подключились посты со всех сторон, и Джон уже слышал в отдалении длинные очереди ручных пулеметов и клацанье тяжелых счетверенных танковых пулеметов, снятых с машин и установленных на крышах высоких зданий, слышал тяжелые ухающие выстрелы гранатометов и визг мин, летящих к ним из-за стены. Он видел в прицел как их много, как одержимо они лезут через стену, лезут по трупам своих собратьев, лезут по проволоке, раздирая руки в кровь, их широко открытые рты зияли черными пятнами на лицах, и только по стоящему гулу можно было догадаться – что они кричат, что они изрыгают те страшные слова, которые, если они возьмут верх в этой бойне, превратятся в жуткую реальность. Джон не переставал стрелять, автоматически меняя рожок за рожком, ствол его автомата уже раскалился и надо было дать ему время остыть, но уж слишком много нечисти рвалось в его дом, уж слишком велико было их желание лишить его жизни, забрать его душу и растоптать его разум, убить всё, что было ему дорого и лишить его всего! Джон не мог этого допустить и его ненависть к нападавшим переросла в холодную ярость, спокойствие охватило его, время как будто замедлилось и движения врагов в прицеле стали плавными и неуклюжими. Теперь Джону было достаточно двух-трех выстрелов, чтобы сразить очередного врага, и у него появилось время, чтобы автомат, если и не стал остывать, то хоть перестал греться. Уже перед стеной валялась целая куча мертвых тел, уже стали слышны крики и стоны в прерывающейся стрельбе, появился легкий утренний свет, стал уменьшаться поток лезущих через край и только самые одержимые продолжали перекидываться через верх и пытались достичь хоть какого-то укрытия на этой стороне. Однако и здесь их поджидала неминуемая гибель. Саперы знали своё дело, и радиоуправляемые мины рвались в самый нужный момент, разбрасывая части тел в стороны.

Стихло всё внезапно... вот так сразу, как по команде прекратилось и нападение, и оборона, одновременно перестали стучать пулеметы и автоматы, ухаль гранаты и мины, смолкли крики как нападавших, так и оборонявшихся.

И только тихие жуткие стоны умирающих рвали сердца оставшихся в живых в этой неожиданно солнечной утренней тишине....

Всё это было в прошлом, с тех пор набег практически прекратился, были редкие вылазки разведчиков как с той, так и с другой стороны, так сказать «прощупывание» обороны. Они быстро и жёстко отражались, тем самым отбив охоту к нападению у кого-либо.

Побег

День для бегства Джон выбрал выходной, так как именно в эти дни отдыха его не должны были хватиться скоро, что давало ему время отойти как можно дальше. За прошедшие несколько суток он полностью подготовился, собрал всё необходимое: документы, походное снаряжение, значительное количество таблеток препарата «ово», продукты на первое время, боеприпасы, спиртное, лекарства и прочие, необходимые в длительном и опасном путешествии, вещи. Также он тщательно проработал маршрут, опираясь на последние данные, полученные со спутника, и сделал поправки с учетом изменения боевой обстановки в близлежащих к гетто районах. Прокладывая маршрут на континенте, он увидел, что количество разграбленных ферм и уничтоженных ферм увеличилось. Проанализировав полученные данные, он пришел к выводу, что деятельность так называемых «горцев» значительно активизировалась. Это стало ещё большей опасностью для Джона на его пути к свободе и нормальной жизни в нормальной стране. Сегодня в ночь у него было последнее дежурство, сразу после которого он и планировал уйти за стену.

Как обычно они дежурили с Полом вдвоем и в самое опасное время – под утро. Их дежурство проходило спокойно, тишину звездной и безлунной ночи ничего не нарушало, кроме редких криков птиц, пролетающих над их головами на юг, на зимовку. Глядя на них в темноте, Джону стало грустно, сердце сжалось, и тихая тоска сдавила его грудь..... ведь это были последние часы его пребывания в родном доме, в родном краю, пусть и загаженном, пусть и опоганенном пришлыми мигрантами и соотечественниками-извращенцами, но это была его Родина....

– Ты когда уходишь, – неожиданно услышал Джон, – сегодня ночью или после следующего дежурства?

Пол пытливо и в тоже время спокойно смотрел ему прямо в глаза. Соврать явно не получалось.

– Откуда ты узнал, – спросил Джон, также прямо глядя на Пола.

– Видел, как ты подбирал снаряжение на складе. И ты стал другим... собраннее, решительнее.... Решил тебе не мешать. Я же тоже собрался уходить, и я тоже готов к выходу. Как и ты, я планирую уйти сегодня.

Пол замолчал и смотрел на Джона, явно ожидая ответа. Тот тоже молчал и думал, опустив глаза: «Пол – это очень хорошая опора в таком опасном и длительном путешествии, его сила и опыт поможет достичь цели. Единственный вопрос – куда он хочет направиться, какая цель движет им в этом бегстве...» Словно отвечая на мысленные вопросы Джона, Пол произнес:

– Я собираюсь пробраться на континент и двигаться на восток. Там, скорее всего, находится моя семья... вернее то, что от неё осталось. Так что ты решил?

– Идем вместе, – ответил Пол, – надеюсь, ты не против?

Пол молча кивнул и улегся поудобнее, вглядываясь в наступающий рассвет – им оставалось дежурить не более часа.

Обговорив все детали побега, и согласовав время и место встречи, они, встретив смену, неторопливо двинулись в сторону дежурки.

Придя домой, Джон плотно поел, аккуратно вымыл посуду, сложил в рюкзак фотографию матери, стоявшую до этого на полке кухни, уложил последние необходимые предметы – переносной блок питания для наручного телефона, который в тоже время был и нательным компьютером с голографическим экраном, патронташ и спички в пакете. Рюкзак получился достаточно объемным и тяжелым, но там было всё самое необходимое. Джон понимал, что его жизнь зависит от каждой мелочи, что забудь он что-либо сейчас здесь, где всё так просто и обыденно – там, за стеной эта забывчивость может стоить ему жизни. Проверив еще раз

содержимое, Джон убедился, что всё на месте, всё сложено и ничего не забыто и нет ничего лишнего. До встречи с Полом оставалось ещё полчаса, за которые он собирался, не торопясь и спокойно, чтобы не привлечь внимания какого-либо редкого прохожего в эти утренние часы выходного дня, дойти до места встречи у больницы Листера, что на Челси-Бридж-роуд. Тщательно заперев квартиру, он вышел на улицу. Нежная дымка стояла над городом, своей тихой туманной красотой, закрывая крыши высоток на Сейнт-Барнабас-стрит. Всего около 140 километров отделяло их от Дувра, из которого лежал их путь на континент.

Они встретились с Полом в назначенное время и оба исподволь оглядели друг друга. На них была практически одинаковая гражданская одежда... ну такая, двусторонняя... которая, в случае необходимости, могла стать и одеждой «Салафитов мира» и одеждой «Высшей расы».

«Дресс-код хамелеона» – про себя назвал это одеяние Джон. Сейчас они оба выглядели как представители белых извращенцев из «ВР» («Высшая раса», мать её...). Серые, сливающиеся с местностью, куртки, темно-серые, плотные брюк-галифе, высокие ботинки на декоративной шнуровке, которые не пропускали ни воду, ни жару, ни холод, благодаря созданному русскими в 2018 году материалу «свиридий», который обладал незаменимыми качествами и сберег в дальнейшем тысячи жизней. Обувная промышленность практически во всем мире стала использовать его как основной компонент при производстве военной, промышленной обуви и обуви для экстремальных видов спорта. И именно такие же ботинки были на Джоне и на Поле. Завершала гардероб бандана шести цветов радуги – единственное яркое пятно в одежде, которая показывала принадлежность и, в то же время, служила прекрасным прицелом для врага. Однако вр-овцы не снимали её ни при каких обстоятельствах. Также сейчас и выглядели они оба бегуна. Отличие состояло только в том, что Джон был значительно ниже и меньше своего напарника – эдакого человека-горы.

Они двинулись на восток, стараясь идти дворами или вплотную к домам, очень надеясь, что в это раннее субботнее утро они останутся незамеченными, тем более, что идти им предстояло не больше километра, так как потом они должны были спуститься под землю и продолжить свой путь к проливу уже под землей. Джон выбрал этот маршрут только из-за того, чтобы не быть обнаруженным, хотя их гетто простиралось до самого берега. Они прошли незамеченными до заветного люка, благополучно спустились вниз и шли при тусклом освещении мрачных сводчатых туннелей. Они шли тихо, да и сама атмосфера этих мест не располагала к шуму. Сверяясь с картой и наручным компьютером, они были всё ближе и ближе к заветной цели... Их шаги гулко отзывались в полумраке коридоров, стихая вдали и их сопровождали их собственные же тени, переходя от одной бледно-желтой лампы к другой... Иногда они видели убегающих крыс, но чаще они сидели где-то наверху, непонятно, как и за что держась, и только красные угольки глаз выдавали их присутствие. Казалось, что весь потолок покрыт красными, горящими ненавистью, огоньками и оба беглеца чувствовали, что всё это жестокое звериное безжалостное царство только и ждёт... ждёт своего часа, чтобы наброситься на них всей гурьбой и вот тогда, подумал Джон, – нам точно не поздоровится... Но пока всё было тихо, они там наверху, казалось, шептались между собой, – ещё не время, ещё рано, ещё пусть идут, наше время скоро придет...

Вот где-то вдали показалось какое-то свечение, как будто кто-то шёл и кидал луч фонарика то вверх, то вниз, то в сторону... Осторожно выглянув из-за поворота, они увидели, как эти мелкие гадкие твари сновали по висящему вниз головой человеку, и жадно глодали его, пробираясь под остатки одежды, мерзко пища, бегая вверх и вниз по телу несчастного, который, судя по его тому как он дёргался, – был ещё жив. Они быстро кинулись к бедной жертве жуткого капкана, который вырвал почву из-под ног бедолаги, стреножил его и выкинул высоко вверх, перевернув вниз головой и к тому же опутав его сетью, что и не давало ему возможность сопротивляться этому несчастному и испытывать жуткие муки от укусов крыс. При прибли-

жении людей, полчища этих мерзких существ, гадко шипя, покинули тело несчастной жертвы и замерли под потолком, ожидая момента, чтобы вновь наброситься на него.

Подойдя вплотную к висящему вниз головой, они увидели жуткую картину – частично объединенное лицо бедняги кровоточило, капли крови густыми сгустками падали на пол, одежда была порвана в клочья, скорее даже не порвана, а изъедена мелкими острыми зубами, сеть, которая опутывала всё тело, крепко держала руки, пальцы которых напоминали скелет на уроке биологии – настолько чисто были обглоданы несколько фаланг. Гримаса невыразимой боли застыла на лице, широко открытые глаза, пока ещё целые, казалось говорили, нет – кричали о тех муках, которые испытал это человек. Осторожно распутав сеть и раскрыв капкан, они опустили тело горемыки вниз и положили на пол. Тихий стон вырвался из губ окровавленных губ, его голова медленно повернулась, и глаза закрылись.... Нет, он не умер, он просто потерял сознание, расслабившись после перенесенного кошмара. Судя по одежде – он был вранцем и они обыскали его. Джон снял с него обувь, вытащил стельки из высоких, таких же, как и у них, сапог, потом одним ударом ножа отделил каблук от подошвы. Подцепив кончиком ножа край стельки, он разделил её пополам и, к своему удивлению, нашли достаточно много интересного – и подробный план гетто и список руководства с адресами и схему расположения постов, ладно бы внешних – их ещё можно «срисовать» из-за стены. В каблуке же была подробная схема, где были указаны и склады вооружения и продовольствия, и подземные ходы вроде этого, и внутренние посты и даже секретные точки, о существовании которых знали только посвященные, и Джон был в их числе. Также было отмечено количество «подходящих объектов» – людей трудоспособного возраста, которые представляли особую ценность для врага. Джон пробрал холодок – он понял, что в руководстве гетто есть предатель, причем из высшего руководства. Он посмотрел на Пола. Тот, судя по его раскрасневшейся физиономии, думал о том же. Желваки на его квадратном, всегда спокойном лице, просто ходили ходуном.... Глядя в глаза друг другу, не сговариваясь, они перенесли тело лазутчика на находившийся неподалеку каменный выступ, уложили его поудобнее, и Джон вколол ему амобарбитал, так называемую «сыворотку правды». Через несколько минут вражеский разведчик, или уж скорее шпион, стал приходить в себя. Оглядев их ещё мутными глазами, он уронил голову набок и стал что-то шептать, глядя куда-то в стену... Пол взял его голову и повернул к свету.

– Вы не понимаете, – шептали искусанные губы, – ничего не избежать, всё решено, всё скоро кончится... мы придем... мы победим... мы – самые сильные... салафиты сдохнут, как и вы... скоро все умрут, все... все... вы все умрете....

Пол аккуратно надавил на плечо задержанного и тот сморщился, обвёл их глазами, и они увидели, что в них стал возвращаться рассудок.

– Кто ты, как тебя зовут и зачем ты здесь, – спросил его Пол.

– Я Дональд, я шёл на встречу с нашим человеком у вас, но меня поймал капкан и мне очень больно, помогите мне, пожалуйста, – слезы покатались из его глаз, он заплакал и содрогнулся всем телом.

– Кто ваш агент? – спросил Пол, наклонившись над его головой.

– Он... он... он..., – было видно, как сопротивляется он действию лекарства, как пытается заставить себя молчать, как отчаянно борется с желанием рассказать всё и как не хочет этого делать, – это Джошуа... он из наших... – выдохнул он наконец и замолчал уже навсегда.

Джон и Пол замерли и в полной тишине смотрели друг на друга, понимая весь ужас этих слов. Тот, кого назвал связник – был вторым человеком в гетто. Он отвечал за безопасность, взаимодействие силовых структур и энергетику.

Теперь всё стало на свои места – и предлагаемые Джошуа изменения, которые якобы были не столь значительными, и, так называемая его толерантность по отношению к врагам, и его некая, почти незаметная манерность в поведении и неприметные взгляды, которые тот иногда бросал на мужчин....

– Что будем делать? – вывел его из воспоминаний и раздумий голос Пола.

Честно говоря, Джон не знал, что предпринять в этой ситуации. Два беглеца, в нарушение законов спустившиеся под землю, самовольно покинувшие пределы гетто и пытавшиеся сбежать на континент – кто им поверит, тем более что единственный свидетель умер.

Джон, не говоря ни слова, сканировал все добытые материалы, самого умершего лазутчика, место, где всё произошло, и отправил по почте главе гетто.

– Это единственное, что мы можем сделать для спасения гетто, даже если мы вернёмся – нам никто не поверит, а ещё, при его-то власти, нас и самих обвинят в предательстве, и тогда мы с тобой попадем прямо в руки тех, от кого сейчас пытаемся спастись, – посмотрев в глаза Пола, произнёс Джон.

Пол молча повернулся и продолжил путь в подземелье. Джон уже привык к безмолвным ответам своего напарника и двинулся вслед за ним.

Продвигаясь по подземным коридорам, они еще не раз встречали мины, капканы или замаскированные ямы-ловушки и прочие защитные устройства, которые надежно, как им казалось до встречи со шпионом, защищали гетто под землей. Но благодаря голографической карте, которую Джон взял с собой с работы, они благополучно миновали все опасности и через несколько часов уже были на окраине Лондона, недалеко от Маэдстоун-роуд, вблизи небольшого лесочка за Санди Лэйн. Выбравшись наружу по канализационному люку, оба оказались именно там, за этой дорогой, где и рассчитывали быть, при этом отставание от намеченного временного плана было не критичным, да и запланированный отдых и еда были необходимы. Джон, прорабатывавший маршрут, знал все реперные точки, в которых планировалось отдыхать, и это была первая: заброшенные ангары в Бромли, в которых, а он это знал точно – активность не наблюдалась.

Ранее в них располагался бизнес-центр, потом его захватили мигранты с Ближнего Востока, но последовавшие за этим кровавые столкновения с полицией и армией заставили их отступить и тогда вр-овцы устроили в этих зданиях свои владения. Однако и им не посчастливилось – внезапно выкосившая их ряды болезнь заставила покинуть представителей «высшей расы» эти места навсегда, и они оказались заброшенными.

Джон понимал, что существует риск заразиться этой неизвестной болезнью, но надеялся, что прошедшие годы сделали своё дело и теперь там безопасно. Вечерело, и они должны были успеть добраться до этих развалин, пока еще не стемнело окончательно. Осторожно пробираясь сквозь деревья, они наконец-то подошли к зданиям и залегли на пригорке, чтобы осмотреться и оценить обстановку. Глядя в бинокль, Джон старался рассмотреть всё здание, но особенно его интересовали верхний этаж и крыша, то есть те места, где он и планировал провести ночь. Стоявшая тишина, расплывчатые в тумане очертания здания, отсутствие хоть какого-то малейшего движения создавали ощущение нереальности, казалось, что это написанная картина, а не настоящее, построенное руками человека и им же практически уничтоженное создание....

– Пошли, – он тихо сказал Полу, повернув к нему голову. Тот молча кивнул, и они двинулись в полуприсяде сквозь разросшуюся траву. Подойдя к зданию, они осторожно вошли вовнутрь и стали обходить его – этаж за этажом, комната за комнатой, пока не добрались до верха. Везде были следы пребывания человека – кучи какой-то грязи, остатки матрасов, обрывки бумаг, уже засохшие испражнения по углам, пустые консервные банки и прочий мусор. Выбитые стекла в окнах позволяли гулять ветру в помещениях и поэтому вонь особо не чувствовалась, но покачивавшиеся и скрипевшие на сквозняке двери создавали жуткую атмосферу разрухи и беды....

Они забрались на верхний этаж, расположившись там таким образом, чтобы видеть лестницу, ведущую наверх и иметь возможность наблюдать за рекреацией внизу. Достав почти невесомые матрасы, которые без воздуха служили хорошей защитой от дождя и ветра, они

надули их встроенным самонасосом и, перекусив консервами и запив кофе, они устроились на ночлег. Дежурить они решили по очереди, разбив ночь на три части. Первым предстояло бодрствовать Джон.

Его дежурство прошло тихо и за невеселыми раздумьями время пролетело незаметно. Разбудив Пола, он отправился не боковую. Как ему показалось – он едва коснулся головой подушки, как его тут же разбудил Пол.

– Что случилось? – вскинулся было Джон, но Пол усмехнулся и молча показал на часы.

Второе дежурство Джона в предрассветный час было нарушено забредшими и устроившими между собой драку собаками. Там внизу, в рекреации они жестоко дрались, пытаясь отнять друг у друга какой-то круглый предмет, плохо различимый в утреннем полумраке. И только в бинокль Джону удалось рассмотреть этот предмет – это была человеческая голова.... Джон выстрелил в вожака стаи из пистолета, гулкое эхо кинулось по этажам, пробежало по комнатам и затихло где-то наверху. Джон услышал, как Пол поднялся, повернулся к нему и, отвечая на его немой вопрос, показал вниз и произнес:

– Дикие собаки играли с отрубленной головой....

Голова и ведьмы

Они спустились вниз и их глазам открылась страшная своей простотой картина – прямо на полу, в грязи, состоящей из крови, ошмётков кожи, волос и мусора лежала человеческая голова... женская голова с, когда-то, светлыми волнистыми волосами, вернее – то, что от нее осталось. Голова, которая принадлежала не так давно женщине, которая когда-то любила, которая целовала своими губами дорогих ее сердцу людей – сейчас эти губы были неестественно вывернуты, местами обкусаны безжалостными собачьими клыками... глаза, смотревшие когда-то с любовью на мать, сейчас были залиты кровью и полузакрыты остатками век...

Пол присел на корточки, поднял валявшуюся неподалеку ветку и стал осторожно поворачивать голову с боку на бок. Они увидели татуировку за правым ухом в виде свернутой в кольцо змеи – кобра с раздутым капюшоном, готовая к броску. Это был знак принадлежности к одной из самых мощных многочисленных группировок «высшей расы», которая отличалась особой непримиримостью к «салафитам мира», и которая постоянно вела борьбу с засилием мигрантов всеми доступными способами, в том числе и вооруженными.

Это направление расистов, «змеиное братство», возникло сразу после 2016 года, когда Великобритания вышла из состава Евросоюза, положив тем самым начало развалу этому объединению. Этот поступок одной из самых сильных стран Европы вызвал реакцию домино и до 2020 года Евросоюз прекратил свое существование. Что, в свою очередь, полностью обрушило экономики слабых стран Европы, таких как Греция, Португалия, Испания, Болгария, Албания, Румыния, которые ещё как-то держалась за счет постоянных кредитов от ЕС. На конечном этапе, к 2025 году, эти страны стали существовать номинально, не справившись с наплывом мигрантов, многократным увеличением преступности, закрытием всех производственных предприятий, уничтожением института семьи, расколом общества, засилием представителей ЛГБТ и транссексуалов, многочисленных последователей зоофилии и педофилии. В те же годы наркотики были приняты на законодательном уровне, как в странах Европы, так и в США. Полным ходом шла фашизация Европы – под руководством сатанистов-церковников, которые взяли верх вовремя 2-й волны миграции в конце десятых и начале двадцатых годов.

На фоне происходящих процессов «змеиное братство» пришлось как нельзя кстати и, поддерживаемое истинными тайными хозяевами, расцвело пышным цветом, собирая под свои знамена всё больше и больше новых последователей. Непримиримая борьба с ваххабитами из «салафитов мира» сейчас уже не прекращалась ни на минуту. Взаимные похищения людей и их ритуальные убийства, широко освещаемые ТВ-каналами с явной целью разжигания войны, постоянные вооруженные стычки, погромы и поджоги – всё это стало нормой для когда-то благополучных стран Старого света. И с одной и с другой стороны скрытые властители людских душ и тел вели своих подопечных к исполнению основной задачи, озвученной еще в конце прошлого столетия на так называемом памятнике «Скрижали Джорджии» – «Пусть земное население никогда не превышает 500 миллионов, пребывая в постоянном равновесии с природой». Это первый пункт из десяти заповедей, начертанных на боках гранитных плит, на 8 языках. Ни автор, ни исполнитель, ни хозяин этого памятника неизвестны и поныне....

Джон сделал 3D сканирование головы, вернее того, что от неё осталось, затем они положили её в старую, разбухшую от влаги, картонную коробку и вынесли на улицу. Стая псов, сидевшая неподалеку, с явным неодобрением смотрела как двое людей вырыли глубокую яму, положили туда какой-то предмет, закидали землей и сверху навалили ещё и остатки бетонных плит.

Наступившее утро с рваными облаками тумана, иногда закрывавшего светило, своей тихой спокойной тишиной и негой говорило о нереальности произошедшего – как будто бы

и не было этого остатка человеческой плоти, как будто бы не было этого захоронения, как будто бы не было им вслед раздраженного собачьего лая, вызванного бессильной ненавистью и злобой...

За прошедшие два дня пути с ними не произошло ничего примечательного, они так же шли вдоль дорог, стараясь держаться деревьев или кустарника, также ночевали в развалинах, дежуря по очереди, обошли стороной Мэйдстоун и ближе к концу третьего дня они приблизились к городу Эшфорд, расположенному в 35 километрах от крайней точки пути на территории родины – города Дувр.

Расположившись в одном из оставленных хозяевами домов в Кнок Руоде, практически на берегу небольшого озера, они приготовились ко сну, плотно поужинав перед этим жареным мясом подстреленной дикой собаки.

Впрочем, они все были теперь дикими – и животные и люди....

Джон пополнил запасы воды из озера и улегся на матрасе, собираясь быстро уснуть. Пол, своей огромной тенью, виднелся недалеко от окна, всматриваясь и вслушиваясь в наступающие сумерки. Тихая безлунная ночь надвигалась на этот, когда-то небольшой английский городок, на эти дома, в которых когда-то была жизнь, горел теплый уютный свет, пахло домашним вкусным ужином, и слышался детский смех....

Сейчас же – только черные глазницы окон, ветер, свободно гуляющий по комнатам, скрип болтающейся дверцы шкафа и плеск воды у берега – вот и все звуки остатков жизни....

Сон, снившийся Джону, был радостным, цветным и ярким: гуляя по парку с Хелен, он чувствовал тонкий аромат её кожи, смотрел как развеваются её чудные белокурые локоны на летнем теплом ветерке, как она красиво смеется, закинув голову и ощущал, как теплая щекочущая волна нежности, ласки и любви охватывает его. Он обнимал её, и она клала голову ему на плечо, они стояли, молча наслаждаясь единением сердец, которые бились в унисон. Изредка она поднимала голову, смотрела ему в глаза, и он целовал эти милые зеленые глазки, эти лучики света и радости, потом их губы соединялись и её тёплое нежное дыхание уносило его куда-то далеко-далеко....

Сон был настолько реальным, что Джон даже не понял – что произошло, когда он резко проснулся от того, что его рот был зажат чьей-то рукой. Вскинувшись, он попытался освободиться, но вдруг услышал над ухом тихий шепот Пола:

– Тихо, Джон, тихо, не кричи, а то мы никогда не увидим рассвет.

Джон кивнул, и огромная как лопата ладонь Пола исчезла. Приглядевшись, Джон увидел, как тот молча показал рукой в сторону окна. Джон осторожно приподнял голову над подоконником, и его глазам предстала необычайная, нереально красивая и завораживающая картина.

На берегу озера, женщины проводили какой-то ритуал. Они все были совершенно голые и их стройные обнаженные тела, мерцающие в пляшущем свете костра, в каком-то едином ритме то склонялись, то поднимались, то наклонялись в одну и потом в другую сторону. Глухой звук барабана как будто вёл и их и пламя костра за собой – они плавно передвигались вокруг огня, который то разгорался, то угасал, то резко вспыхивал, выбрасывая вверх снопы искр, то стихал чуть ли не до углей. Временами из самого центра, при особо сильном и чувственном звуке, когда все женщины, а вернее – ведьмы, как их сразу про себя назвал Джон, почти стелились по земле, а огонь казалось вот-вот погаснет, так вот – из самого центра круга вырывался столб яркого света и уносился ввысь, задержавшись лишь на мгновение. Это было красивое, жуткое и холодящее кровь действо....

Джон и Пол переглянулись. Оба поняли, что не знают с чем имеют дело, и решили посмотреть – что же будет дальше. Пляски продолжились недолго, постепенно звук барабана стал стихать, движения женщин стали медленнее, наклоны всё ниже и ниже и, наконец, они легли на землю вокруг вдруг умершего костра, когда стук совсем стих. Наступившая тишина и темень сначала оглушила Джона, но затем, оклемавшись, он посмотрел в прицел ночного

видения и какое-то время рассматривал необыкновенную картину: на берегу озера в разных позах, кто лежа, кто полусидя, спали примерно около 30 молодых белых женщин.

– Идем ближе, посмотрим, что это? – спросил Пол.

Джон кивнул, и они тихо, крадучись вышли из дома и направились в сторону ведьм, стараясь держаться около деревьев. Подойдя ближе, они легли на бугорке и еще раз осмотрели спящих. Ни звука не доносилось оттуда, ни малейшего движения, ничто не шелохнулось перед их глазами, казалось, что это скульптура из белого камня предстала перед их глазами в свете появившихся звезд. Они встали и подошли почти вплотную к кругу тел. Продвинувшись ещё чуток, они оба вдруг уперлись в невидимую преграду. Дальше их не пускала какая-то невидимая, будто стеклянная, чуть холодноватая на ощупь, стена. Они стояли на расстоянии вытянутой руки до спящих красавиц, а дотронуться до них не могли. Они видели, как мерно вздымались упругие полные груди, как поворачивались гибкие белые тела, как красивые руки то переплетались между собой, то закидывались во сне на бедра и длинные ноги подруг, как волосы рассыпались по их телам, перемешиваясь и создавая разноцветную чудную палитру из трех ярких красок – иссиня черной, ярко рыжей и кипельно белой. Казалось нереальным видеть столь необыкновенное и красивое зрелище, а вблизи это еще больше напоминало скульптуру, только уже не из камня, а скорее 3D композицию, которые стали модными примерно 10 лет назад, когда технология дошла до такого высокого уровня, что отличить голографические изображения от настоящих физических объектов стало невозможно.

Джон услышал глухой стук и оглянулся. Пол потирал свой огромный кулак и недоуменно смотрел прямо перед собой на невидимую перегородку.

– Не пробил? – улыбнулся Джон.

Пол молча отошел в сторону, обиженно опустив голову как ребенок. Затем он достал нож и попытался оставить им на невидимой стене хоть какой-то след. Но это снова ему не удалось. Нож скользил в воздухе, не оставляя даже маленькой черточки. Джон видел, что Пол начинает злиться, и уже было направился к нему, чтобы поговорить и успокоить его, как тот вдруг резко выхватил пистолет и выстрелил прямо перед собой. Резкий звук выстрела, прозвучавший в предзвездной тишине, практически слился с визгом рикошета, и Джон ощутил дыхание смерти, когда мимо его лица, совсем рядом с ухом, легким ветерком прошла пуля... Он даже не успел испугаться – понимание пришло позже, когда он отошел от оцепенения.

– Мать твою...! – заорал Джон, – ты что творишь, безмозглая скотина! Ты же мог убить меня! Пойми же наконец – она неприступна!!

Пол смотрел на него, выпучив глаза, и только ёрзал шеей в ответ.

– Как же это так? – наконец произнес он, – её ничего не берет что ли?

Джон оставил без ответа этот вопрос, потому что его больше интересовало происходящее за прозрачной стеной, вернее то, что там ничего не произошло. То есть в круг не только нельзя было попасть, получалось, что туда не принимали и звуки. Также спокойно спали красавицы, также мерцал непонятно откуда льющийся свет, такая же безмятежная тишина и спокойствие держали в своих объятиях совершенные тела чудных творений природы.

– Пол, давай подождем в укрытии пробуждения этих ведьм, – предложил Джон. Они двинулись в обратный путь и, войдя в дом, разместились у окон таким образом, чтобы видеть поляну со спящими, самим же при этом оставаясь невидимыми.

Ждать пришлось недолго. Как только первый луч солнца коснулся воды, пробежал по песку и добрался до вспыхнувших волос одной из спящих, они начали потягиваться, выгибая нежные тонкие спины, протягивая навстречу заре руки, поворачиваясь на бок и вытягивая длинные, стройные ножки, встряхивая копной волос, поднимаясь на ноги и, раскинув руки, радовались, купаящему их в золотых лучах, солнцу! Зрелище было настолько прекрасным и завораживающим, что они оба с трудом сдерживали рвущееся хриплое дыхание и огромное желание кинуться к этим богиням и прижаться к ним, обнять их нежные тела, целовать их

руки и ноги, сжать в своих объятиях их упругие груди и отдаться самому прекрасному чувству на свете – любви!

Наваждение спало также быстро, как и охватило их. Как только женщины стали одеваться в неизвестно откуда появившиеся одежды, они превратились в обычных, невзрачных, изможденных и уставших представительниц «высшей расы». Это стало понятно по их серым накидкам, черным штанам, высоким ботинкам на шнуровке и громкому характерному говору, неожиданно зазвучавшему в утренней дымке. Одевшись, женщины нестройной толпой пошли в сторону домов, как будто специально направляясь в сторону того, где прятались мужчины. Джон и Пол тихо отползли от окон, тихо спустились в подвал, достали оружие и стали ждать. Джон еще с вечера поставил камеру-сторожа и теперь они могли видеть происходящее на экране его часов. Маленький глазок камеры охватывал практически весь периметр вокруг дома. Вот они появились на дороге, идущей вдоль дома, идя серой толпой, переговариваясь, бросая настороженные взгляды по сторонам – они совсем не были похожи на те ночные страстные и прекрасные создания, которых видели мужчины в ночи у костра. Проходя совсем рядом с домом, они замедлили шаг и, как показалось Джону, посмотрели прямо в глазок камеры, не сразу все, а как-то по очереди, как будто соблюдая какой-то порядок.... От этих глаз, смотрящих прямо в него, Джону стало не по себе. Судя по тому, как рядом завожился Пол – он испытал то же самое.

Не останавливаясь, женщины прошли мимо и скрылись из поля зрения. Подождав еще несколько минут, беглецы выбрались наружу и осторожно выглянули из дома. Легкий ветерок трепал старую рваную занавеску на разбитом окне, вдали колыхалась листва на деревьях, плеск воды у берега – всё это было настолько обыденно, знакомо и скучно, что виденное ими ночью создавало иллюзию сна – прекрасного и необычного сна.

Не сговариваясь, они пошли в сторону костра. Подойдя вплотную, уже ничто не загоразживало им путь, они тщательно осмотрели место ночного ритуала. Ничего необычного они не нашли – потухший костер и следы на песке, вот и всё что они увидели. Джон сделал спектральный анализ почвы из разных мест, особенно его интересовал костер и край круга, где стояла невидимая стена. Полученные данные свидетельствовали о том, что здесь ничего необычного нет. Уже уходя оттуда, Джон вдруг краем глаза увидел какой-то блеск у самого края костра, он наклонился, потом встал на колени и только тогда увидел маленький, блестящий кусочек какого-то материала, одновременно похожего и на металл, и на ткань. Гибкий и в то же время очень прочный, твердый на ощупь и приятный при касании – он был размером с небольшой камушек, который так здорово запускать «блином» по водной глади.

К огромному удивлению Джона, анализ этого куска не дал абсолютно никаких результатов. То есть – вообще ничего, как будто бы Джон ничего не клал на приемное стекло «спектра»! Прибор просто не увидел этот кусок необычного материала.

– Так не бывает, – недоуменно произнес Джон, повернувшись к Полу. Тот молчал, глядя на пустые ноли на экране прибора.

– Пошли отсюда от греха подальше, – сказал Пол, развернулся и пошел от берега. Джон, продолжая размышлять об этих чудесах, двинулся следом. Они прошли мимо ночлега и шли той же дорогой, где часом раньше проходили их новые знакомые.

В Дувр они пришли ближе к ночи. Весь путь Джона не оставляли мысли об увиденном, он пытался найти хоть какое-то объяснение, но так и не смог. Он шел за Полом практически на автомате, повторяя все его маневры, но думая о своём, поэтому и не заметил, как стемнело и как они оказались в предместьях города.

Выйдя на кромку белоснежных клифов, которые тянулись вдоль всего берега, Джон смотрел на колышущееся море, которое в темноте было еще величественней и прекрасней своей грозной могучей силой, своей необъятной огромностью и бесконечным далёким и, одновременно, – манящим гипнотическим зовом....

Джон понимал, что завтра будет последний день его пребывания на родине, что завтра он навсегда покинет этот край и больше никогда не увидит ни этих просторов, ни этих скал, ни близких сердцу полей и пролетающих в небе чаек... Всё останется здесь, а он будет там – в неведомой ему стране, в стране, в которой люди живут, а не существуют.

И он, хоть и грызла его сердце тоска, всё же жил надеждой и какой-то непонятной радостью от предстоящих перемен в его жизни. Пол стоял рядом и также всматривался в открывшуюся их взглядам бесконечность. О чём он думал, этот человек-гора, Джону было неведомо, да он и не пытался понять – ему хватало своих собственных мыслей и чувств.

Они уже давно приняли решение покинуть страну через туннель, так как перебраться на континент водным путем, хоть и было ближе, но гораздо опаснее. Перехватывающие малые и средние суда пираты не отличались добрым нравом и после встреч с ними выживших, как правило, не было. Единицы, которым удалось ускользнуть из их цепких кровавых лап, добравшись до одного из берегов, рассказывали холодящие душу истории и поэтому на переход через пролив решались только крупные суда, имеющие надежную охрану. Но и стоила эта поездка весьма и весьма дорого, что явно было не по карману ни Джону, а уж тем более Полу. Да и привлекать внимание к себе, находясь среди многочисленной толпы нуворишей, сколотивших себе состояния на крови, им обоим было явно противопоказано.

А поэтому завтра они намеревались дойти до входа в туннель, найти проводника с транспортом и двинуться во Францию. Джон заранее подготовился к этому маршруту и поэтому знал примерные расценки, места сбора как проводников, так и тех, кто стремился попасть на ту сторону.

Наступившее утро было хмурым, дождливым и ветреным. Казалось, что остров прогоняет беглецов, бросая им холодные капли в лицо, срывая капюшоны и закрывая туманом от их глаз очертания домов, деревьев и дорогу. Ориентируясь по навигатору, который вел их трехмерным изображением, как будто висящим в воздухе перед ними, они осторожно шли в сторону входа в подземный мир туннеля под проливом.

Скоро туман стал рядеть, проявились, как на фото пленке, дома с вывесками, кусты и, наконец, показались шлагбаумы и пустые будки, стоящие недалеко от въездов в туннель. Ангар, в котором, собирались группы, стоял совсем неподалеку, ворота были приоткрыты и черный зев этого мрачного здания, который был виден издали, как будто проглатывал редких посетителей.

Беглецы вошли внутрь и, когда их глаза привыкли к полумраку, увидели несколько человек, стоящих полукругом вокруг высокого, одетого в цвета хаки комбинезон, проводника. То, что это был именно он, стало понятно сразу по его уверенным движениям, неспешной речи и четким рубленым жестам, сопровождающим его инструктаж. Подойдя ближе, они услышали только окончание его слов, которыми он напутствовал собравшихся:

– Мать вашу! И не спорить, а делать всем так как я! Тогда останетесь живы, если повезет, – после этих слов он подмигнул своим будущим попутчикам. Все стали расходиться и усаживаться неподалеку, явно собираясь перекусить.

Джон подошел к проводнику и представился.

– Мы хотим идти с вами, еще не поздно? – спросил он.

– Спаркс, – негромко произнес мужчина и внимательно осмотрел их обоих.

– Инструктаж повторять буду через час перед погрузкой в транспорт. Встречаемся здесь через... – он посмотрел на висящие в ангаре огромные часы, – 50 минут. Не опаздывать, никогда никого не жду, деньги не возвращаются. С вас две тысячи фунтов за двоих.

Получив деньги, он скрылся в будке, на которой было написано: «Только проводники».

Ровно в 11:00 вся группа собралась возле большого электрокара с будкой для пассажиров.

– Итак, – начал Спаркс, – все сидят в кузове и молча ждут, когда я вас привезу на континент. На время пути – забыть о своей вражде друг к другу, потому что это точно не поможет

вам скоротать время! Все вы здесь – в моих руках и на все воля божья или аллаха – кому как нравится. Пить, курить, жрать, орать, открывать двери кары, а тем более выпрыгивать на ходу категорически запрещаю. Если кто попытается хотя бы достать ствол или нож – выкину на ходу вместе с креслом! И еще, – все сходили на горшок, дети мои? Если нет – то в пути будете «ходить под себя» и ваши соседи спасибо вам точно не скажут, – Спаркс громко заржал, довольный своей шуткой. Было понятно, что это он говорит каждой группе и каждый раз он был очень доволен собой.

– Остановок будет две, одна в первом разъездном, вторая перед континентом, если кто не в курсе – во втором разъездном участке. Во время остановок можно будет выйти и встать около кары. Стоянки всего 5 минут. В случае чего – беспрекословно и быстро делать то, что я буду говорить и делать то, что я буду делать! Мать вашу! И не спорить, а делать всё как я! Тогда останетесь живы, если повезет, – закончил он инструктаж на этой «радостной» ноте.

Все желающие ехать сгруппировались около двери электрокары и по очереди стали исчезать в его недрах. Джон и Пол стояли поодаль и рассматривали своих будущих попутчиков в этом непростом путешествии. Всего их было около двух десятков человек. Примерно поровну это были представители враждующих сторон и поэтому и держались они особняком друг от друга и также, судя по всему, и рассаживались в кузове. И была пара странно одетых личностей, чьи лица наполовину были закрыты черными платками и только глаза, блестевшие в полумраке, говорили о том, что это люди, а не призраки. Джон посмотрел на проводника – тот тоже исподволь, но внимательно рассматривал этих двоих.

– Как думаешь, кто это? – одними губами прошептал рядом Пол.

– Не знаю.... – также беззвучно ответил Джон.

Как будто услышав, что говорят о них, две пары глаз зыркнули в их сторону и обе фигуры пропали внутри салона. Забравшись в кузов, беглецы осмотрелись – обе враждующие стороны сидели двумя нахохлившимися и настороженными кучками, присматривая за действиями врага, но сдерживая себя от каких-либо действий. Пара неизвестных, как окрестил их про себя Джон, сидела недалеко от выхода и, несмотря на то, что кресла стояли отдельно, были так близко друг к другу, что казалось будто они слились воедино. Места для Джона и его напарника остались только спереди, около небольшого окошка над крышей кабины электрогрузовика. Пройдя вдоль салона, они уселись в кресла и почувствовали не себе взгляды всех своих попутчиков, которые жалили их в спину как дикие злобные осы. Джон послал их всех подальше, ну конечно же про себя, и глянул в окошко. Стекло располагалось прямо перед ними и сквозь него было хорошо видно и крышу, и капот машины и дорогу впереди.

Евротоннель

– Помоги нам Господи, – услышал Джон тихий шепот Пола и незаметно усмехнулся. Но весело ему не было – ему тоже очень хотелось сказать какие-то слова, обратиться к кому-то высшему, попросить помощи, чтобы кто-то там, наверху, – не оставил его чаяния и мольбы добраться до конечной точки нелегкого пути. Практически впервые в жизни Джон просил кого-то неизвестного ему, пусть это был бы Бог, пусть высший разум – он не знал, как это назвать, но сейчас, именно сейчас он понимал, вернее осознавал, что есть кто-то там наверху, кто смотрит за ними всеми, кто решает – кому жить, а кому умереть, кто лишает жизни и дает право родиться, кто забирает надежду и вселяет ужас, кто дарит счастье любви и яркий свет счастья! И именно к нему сейчас в своих мыслях обращался Джон, именно его просил о помощи, судорожно сжимая в кулаке небольшой медальон, который остался ему от отца и который он не снимал никогда. Какая-то неведомая сила заставляла его, вглядывающегося в убегающую темноту перед светом фар, умолять о помощи, шептать какие-то давно забытые им слова, вернее – не забытые, а услышанные им в детстве от матери, – те слова, произнося которые он содрогался душой и от которых его сердце трепетало....

Это состояние прошло также быстро и внезапно, как и началось. И в этот момент ему почему-то невероятно сильно захотелось оглянуться. И он и Пол одновременно повернули головы назад и тут же встретились со жгучим взглядом странных путников. Им показалось, что свет, льющийся из этих глаз, проникает им прямо сердце и как будто держит и греет его в своих лучах и дышит теплом на него и радостное ощущение спокойствия и умиротворения нашло на Джона. Они одновременно отвернулись и тихо, но глубоко вздохнули....

Также беззвучно катилась машина, также расступалась темнота впереди, также сзади бурчали и шебурились неугомонные враги, также шелестели шины по асфальту, но сейчас Джон был спокоен. Он был уверен, что всё будет хорошо, что он доберется туда, где встретит любовь, и что его жизнь вновь наполнится смыслом.

Его мысли прервал резкий громкий звук выхлопа сжатого воздуха, одновременно с прозвучавший хлопок и металлическое лязганье закрывающегося люка или дверцы. Резко обернувшись, Джон увидел, как из-под потолка кузова пыхнули в стороны белые полосы какого-то порошка, и притянулся люк на крыше салона, плотно втягиваясь в пазы. Это сработала катапульта, установленная под каждым креслом и приводимая в действие по приказу из кабины. А теперь вместо кресла, зияла пустота, напоминающая дыру на месте вырванного зуба. Тишина и оцепенение стояли в салоне, и только горящий взгляд из-под капюшона как-то диссонировал с обстановкой. Притихшие ездоки старались не смотреть на пустое место, где только что сидел их товарищ.

– А я ведь предупреждал, – вдруг раздался слегка искаженный динамиком, голос Спаркса, – есть еще желающие испытать судьбу?

Молчание было ему ответом.

Путь их до первой остановки дальше прошел без приключений. Выйдя наружу, Джон осмотрелся: на участке разъезда было светло, пересекающиеся здесь ж/д пути, казалось вели в неизвестность, скрываясь в левом тоннеле и обрываясь у въезда в правый; высокий сводчатый потолок, за которым скрывалась стометровая толща воды; огромные железные ворота, какие-то звуки, напоминающие щелчки электрических реле, тихое дуновение ветерка из туннелей – всё это ему показалось каким-то нереальным, обманчивым и опасным. Забираясь в кузов последним, он оглянулся и сквозь окошко двери увидел, как тихо, почти бесшумно закрываются за ними ворота и медленно исчезает свет в наступающей темноте. Весь последующий путь Джон думал о многом, благодаря тишине и в салоне и снаружи. Мерное покачивание кузова ублажало многих, но не его. Мысли крутились вокруг всё того же – самого главного.

«Как и почему мы проморгали нашу родину, наши такие благополучные и, казалось незыблемые по своему благодущию, устройству и экономике, страны Старого Света. Как мы не смогли заметить приближающейся катастрофы! Почему не прислушались голосам своих же единичных провидцев и обращениям многих видных политиков из России и Китая о приближающейся опасности Что помешало нам внять голосам разума, – и не помешало пойти на поводу «ястребов» из-за океана!

«Деньги любят тишину», – неизвестно почему вдруг вспомнил Джон известную поговорку, и его мысли понеслись в этом направлении. Ведь именно поэтому инвесторы ушли в 20-х годах нынешнего столетия из тревожных регионов, к которым стал относиться и страны ЕС.

Часть инвесторов пошла в США, тем самым увеличивая внешний долг Пиндостана с 15 триллионов, в середине десятых, до того момента, пока не произошел обвал доллара и начавшееся полное крушение экономики Пиндосии и стран, завязанных на доллар. Этому сильно способствовал вовремя созданный союз крупнейших стран Азии, Востока и Южной Америки, которые к началу 20-х полностью исключили из своего оборота доллар, тем самым лишив его подпитки за счет экономики своих стран. Наиболее дальновидные инвесторы, в основном из вышеперечисленных, стран, а также из Европы, провели инвестирование в странах БРИКС, обеспечив и себе и экономикам этих стран стабильный прирост. Да, и это тоже одна из причин развала и ЕС и, фактически, самих стран Европы, – с горечью подумал Джон.

Вторая причина, способствующая нынешнему состоянию – это полный разрыв любых экономических отношений в начале 20-х между странами Европы и БРИКС. Он стал возможным благодаря бездумной политике руководства стран ЕС вплоть до начала 20-х и примененным санкциям против России, а затем и стран СНГ, под давлением заокеанских друзей, из-за чего произошло резкое и ускоренное развитие в этих странах предприятий, назначение которых – производство товаров, замещающих импорт. И, благодаря серьезной поддержке своих правительств, эти страны успешно справились с этой задачей в течение 10—15 лет. Тем самым у них отпала необходимость в экономическом сотрудничестве со странами ЕС и Пиндостана.

Третья и, самая кровавая причина – в конце 10-х террористы, бесконтрольно проникшие в огромном количестве на территорию Европы в этом сумасшедшем потоке мигрантов, провели серию жутких терактов в странах ЕС. Самыми известными из этих акций стало одновременное уничтожение видных политиков нескольких государств Европы, а затем этот кровавый рейд перекинулся и за океан и там погибли от рук ваххабитов несколько сенаторов Пиндосии. Проведенные кровавые акции были настолько устрашающие и впечатляющие, что трусость глав Европы просто зашкалила – они были запуганы и, под давлением террористов, были вынуждены принять выгодные тем законы. Направляющей и вдохновляющей рукой всех этих терактов были выходцы, а вернее остатки главарей ДАИШ, ранее называвшееся ИГИЛ (организация, деятельность которой запрещена в РФ), но потом по требованию имамов многих стран было введено именно это название террористического псевдогосударства. Это название вызывало ярость у террористов, потому что обозначало: ДАИШ (на самом деле, скорее, ДАЭШ) от арабского названия «ад-Даулят аль-Исламийя фи-ль-Ирак ва-ш-Шам», что переводится как «Исламское государство Ирака и Шама (Леванта)». Аббревиатура всего на одну букву отличается от слова (даэс), означающего «кого-то или что-то, что разрушает/подавляет», и за это террористы обещали отрезать языки каждому, кто будет произносить это слово.

Так вот, эти остатки разгромленного государства террористов ДАИШ (организация, деятельность которой запрещена в РФ) в Сирии в середине десятых годов, а ныне действующие под маской «салафитов мира», сначала направили свои взгляды на восток, на Россию, в ответ на примененные против него военные меры. Однако, встретив там серьезный отпор и полное уничтожение всех заброшенных туда террористических групп, перенаправило свои силы на Европу и Пиндостан. Отыгравшись таким образом за поражение в войне против Сирии в середине 10-х годов, сейчас эта тайная смертельная организация, используя «салафитов

мира», пытается устанавливать свои порядки в самой Европе и странах как Северной, так и Южной Америки.

– Мда, ой как весело живем, а дальше что будет – даже подумать страшно...»

Мысли Джона прервала резкая остановка перед воротами второго разъезда, он услышал шипение гидравлики и увидел, как растёт полоска света между медленно отворяющимися воротинами. Машина медленно въехала внутрь и раздался звук открываемой снаружи двери кузова. Выйдя наружу, Джон увидел такую же картину, как и полчаса назад – одиноко стоящая посреди разъездного участка с рельсами машина, сгрудившиеся вокруг неё, перетаптывающиеся с ноги на ногу, пассажиры, тусклый свет фонарей, льющийся с потолка, негромкий разговор проводника с кем-то по рации и, несмотря на эти звуки, – тишина, та нервная напряжённая тишина, которая бывает только на кладбище во время похорон. Кладбищенская тишина, когда вроде бы что-то и говорят вполголоса родные и близкие покойного, вроде бы и слышится сдавленный плач жены или сестры усопшего, вроде бы и шуршит земля по крышке гроба, а всё равно – всё это время стоит некая такая кладбищенская тишина....

И от этого Джона стало как-то не по себе, захотелось быстрее сесть в салон и продолжить поездку, стараясь скорее избавиться от сжимающего сердце предчувствия. Пройдя к машине и залезая первым в кузов, он невольно оглянулся на двух странников, глаза которых притягивали его взор. Они также стояли близко друг к другу, практически прижавшись, и также неотрывно смотрели именно ему в глаза. Усевшись, Джон испытал некое облегчение от того, что ушли скорбные и тоскливые мысли. Машина тронулась в путь, также беззвучно открылись и закрылись огромные железные двери, также исчез свет, и также их обступила темнота, разрываемая светом фар. Едва Джон опять попытался углубиться в мысли, как неожиданно машина вздрогнула, резко дернулась вправо, потом влево и остановилась. Свет фар внезапно погас и в наступившей темноте и, как показалось Джону, усилившейся из-за этой тишины стало слышно какое-то скрежетание под днищем машины, как будто кто-то огромный вел железными когтями по металлу....

Они все сидели не шелохнувшись, пока вдруг их всех заставил вздрогнуть тихий, но резкий шепот из динамика:

– Тихо всем. Ждём.

Скрежет продолжился и перешел сначала на правый борт, затем на крышу, а потом на левый борт грузовика. Было такое впечатление, что этот кто-то проверяет кузов на прочность, как будто ищет слабое место, куда можно побольнее ударить. Вдруг всё неожиданно стихло, как и началось. Выждав ещё какое-то время, сидящие в салоне зашевелились и начали негромко обсуждать только что произошедшее.

Это и было их ошибкой!

Взорвавший тишину визг колес, вспыхнувший свет фар, резкий рывок машины вперед практически совпал с противным и жутким ревом, кинувшимся им в уши и заставившим их вжаться в кресла и инстинктивно выхватить оружие, несмотря на строжайший запрет. Машина неслась, виляя из стороны в сторону, как будто пытаясь сбросить кого-то огромного, кто сидел на крыше, цепко держась когтями за верх кузова! Послышался резкий звук, как будто кто-то разрывал металл мощными и, не знающими жалости, руками, задняя часть кузова, где сидели два странных путника, начала отделяться, как в замедленном кино, буквально отрываемая вместе с креслами и сидящими в них людях. Вот ещё мгновение и горящие под маской две пары глаз скрылись во внезапно появившейся сзади темноты. Весь этот кошмар произошел настолько быстро, обескураживающее естественно и молча, что казался нереальным, казался какой-то съемкой в кино, но отнюдь не жизнью. На месте заднего борта и стоящих там кресел зияла пустота, торчали рваные края железа, которым был обит кузов, ветер от быстрой езды проник внутрь, как будто вместе с темнотой.

Машина начала замедлять ход, но потом резко дернулась и остановилась, натолкнувшись на что-то, и стала медленно заваливаться на левый бок, продолжая все ещё крутить колесами, которые стали слышны из-за огромной дыры в кузове. Удар от падения на бок, был негромким и ожидаемым, все сидящие, а точнее уже висящие, ездоки вцепились в подлокотники оставались в креслах, и поэтому всего лишь пара человек, которые не были пристегнуты, кубарем покатались на пол, которым теперь стал левый борт машины. Джон и Пол висели в креслах, постепенно переводя дух от произошедшего, затем повернулись в сторону падения и начали выбираться из кресел. Освободившись от ремней, они встали на ноги и осмотрели друг друга. Никаких последствий от аварии на их телах не было и все вещи были на месте. Оглянувшись, они увидели, как встают на ноги и их попутчики. Полумрак, царивший вокруг, лишь где-то спереди от машины был немного подсвечен угасающим светом фар. Вот они совсем потухли, и темнота полностью охватила стоявших около разбитой машины людей. Неожиданно раздались шаги и заметался по полу неяркий свет фонаря. Это был Спаркс. Шатаясь, он подошел к ним, и Джон увидел, что с его головы каплями стекает кровь, застилая левый глаз, одежда порвана и тоже в крови. Дойдя до них, проводник привалился к днищу машины и постепенно стал опускаться на сдвоенные колеса среднего моста. Пол, стоявший ближе всех, помог ему усесться, достал аптечку и, также молча, стал обрабатывать раны сидевшему обессиленному человеку.

– Что произошло, – вдруг услышал Джон голос откуда-то сзади. Обернувшись, он увидел говорящего. Это, судя по всему, был главный из группы представителей «высшей расы». Одетый в добротный не броский костюм, напоминающий френч, человек лет сорока уверенно смотрел прямо перед собой, прищутив левый глаз, как будто изначально не веря тому, что собирался услышать. Пытаясь что-то сказать, Спарксу удалось лишь невнятно промылчать в ответ, затем он мотнул головой, как будто собираясь с силами, и произнес:

– Мы не знаем кто или что это. Оно появляется редко и те, кто попадает ему в лапы, уже не возвращаются. Оно получили свою жертву сегодня и уже не вернется. Мы можем идти дальше. До берега примерно 15 километров, ещё часа три, и мы выйдем наружу.

– Я видел подобное и мы называли это чупакаброй, – ответил предводитель «вр», – точно также недалеко от Сент-Луиса, где захоронен уран, я видел, как эта тварь легко перевернула здоровенный пикап, вырвала из кузова мужчину и мгновенно скрылась в чащобе. В сумерках я смог разглядеть огромный рост, горящие красные глаза и почувствовать мерзкую вонь, исходящую от чудовища. Вы полагаете, что она не вернется?

– Нет, она никогда не возвращается. Но увидеть её ещё никому не удалось. Всё происходит точно также – внезапно машина останавливается, как будто её кто-то внезапно хватает за мост, потом скрежет – это она так проверяет нас на «вшивость», затем рвёт задний борт или вскрывает как ножом бока кузова, хватая ближайшие жертвы и исчезает. И всё – больше ничего. Сегодня я решил убежать от нее и вот чем закончилось. Эта тварь всё-таки догнала нас и отомстила напоследок, перевернув машину... И теперь нам придется идти пешком по этому тоннелю в полной темноте. Идём все вместе, не разбредаясь, помогая друг другу и прикрывая тех, у кого нет «ночников», то есть приборов ночного видения. Вы, – он посмотрел на Пола, – замыкаете колонну вместе с другом. Вопросы есть?

– Кто ты такой, чтобы командовать нами после того когда так глупо подставил нас, – снова раздался тот же голос, – ты не способен вести нас за тобой, да и, честно говоря, нет никакого желания следовать за тобой, беспомощный идиот. Я, ведущий 3-го уровня английского крыла «высшей расы» Кифер, выведу наружу своих людей сам, а также тех, кто захочет присоединиться к нам.

Он обвёл взглядом собравшихся и, не дожидаясь какой-либо реакции от них, повернулся, надел на голову «ночник» и двинулся в путь. Члены его группировки надвинули на головы приборы ночного видения и отправились вслед за ним. Представители мусульманской общины,

стоявшие вдалеке, нестройной группкой прошли мимо проводника и его спутников. Они решили идти не вместе с врагами, но недалеко от них. Гулкое эхо шагов стихло вдали и теперь их осталось трое, один из которых был ранен и нуждался в помощи, хотя и старался этого не показывать. Сквозь окуляры «ночника» были видны зеленоватые стены, остовы когда-то горевших ламп, фигуры оставшихся, потолок с уходящей вверх черной дырой воздуховода и дорога, скрывающаяся в такой же зеленоватой темноте. Они шли за проводником, соблюдая новый ритм движения, стараясь не шуметь, осторожно обходя возникающие препятствия в виде куч мусора и остатков каких-то небольших металлических конструкций; пристально вглядываясь в уходящие влево коридоры, ведущие в технологический туннель, который соединял два транспортных – тот, в котором они находились и второй, который был слышен благодаря изредка доносившемуся шуму поезда. Западный, который в спокойные времена перевозил автотранспорт, работал и сейчас как железнодорожный, там и сейчас шли составы с грузом на материк и обратно, на остров. Кто оплачивал эти грузы и их перемещение, кто и зачем содержал этот тоннель, кому это было нужно, а главное – выгодно, Джон не знал хотя и потратил много времени на поиски ответа в сети, но так и не нашел его.

– Спаркс, ты знаешь что там возят, – спросил Джон у проводника.

– Нет. Мы пытались пару раз выяснить что там везут, но результат этих попыток был печален – мы не дождались наших людей обратно, а через какое-то время нашли их изуродованные тела в тоннеле. Причем убиты они были таким образом, чтобы показать нам – не лезьте туда. Все пути и воздуховоды перекрыты сеткой под напряжением. Иногда оттуда доносятся какие-то голоса, но в основном только шум поездов. Кстати, благодаря этим неизвестным, и мы можем пользоваться туннелем, так как система подачи воздуха работает также, как и раньше. Никаких сбоев ни разу не было.

Они продолжали дальнейшее движение в тишине, но вдруг впереди раздались выстрелы, звук взрыва гранаты и жуткие крики, в которых билась дикая боль от разрываемого пулями и осколками человеческого тела. Все трое кинулись на пол тоннеля и стали напряженно всматриваться в зеленоватую темень откуда раздавались звуки боя. Неожиданно над ними прощелестели пули и, срикошетив от стены над головами, с визгом ушли куда-то назад. Вдруг звуки также внезапно стихли, как и начались. Выждав ещё какое-то время, они поднялись на ноги и, пригибаясь, стали продвигаться вперед, стараясь соблюдать тишину. Через пару сотен метров они натолкнулись на картину боя. Повсюду были разбросаны тела, принадлежащие враждующим группировкам, некоторые из них были изуродованы гранатами, другие, казалось, будто просто прилегли отдохнуть и только стоявшая тишина, и мрак подчеркивали весь неподдельный ужас произошедшего – их спутники, с которыми они расстались меньше часа назад, были мертвы. Внезапно они услышали стон и бросились в сторону, откуда он раздавался. Один из «салафитов» подавал признаки жизни. Они приподняли его и услышали, как он что-то шепчет, пытаясь воздеть руки вверх:

– Аллах акбар... неверные убиты, а я скоро уйду туда, где меня ждут семьдесят девственниц....

– Хватит нести чушь, – произнес Пол, – расскажи, что случилось?

– Эти неверные устроили нам засаду и, как бы мы храбро не сражались, всех нас перебили, но Аллах послал им возмездие и черные янычары заставили их умолкнуть на веки. Они возникли из ниоткуда и ни одна неверная собака не ушла отсюда живой, а потом исчезли также внезапно, как и появились.

– Как они выглядели, – спросил Спаркс, – во что одеты, какое оружие, успел разглядеть?

– Они быстрые, как гепард; оружие их подобно молнии, карающей тех, кто не должен ходить по земле; одежды их подобно черным тучам, сгустившимся над пустыней... – внезапно салафит закашлял, резко наклонился вперед, его полы его халата откинулись, и они увидели страшную рваную рану, идущую от левого плеча вниз, почти до самого бедра. Как будто чья-то

неведомая рука огромным мечом хотела разрубить его пополам. Он дернулся пару раз и затих, откинув голову назад.

– Странная рана, – произнес Спаркс, осматривая ее почти касаясь тела умершего носом, – посмотрим, что там у остальных.

Он и Пол начали медленно обходить валяющиеся тут и там тела. Джон же подошел вплотную к проходу в средний туннель и стал рассматривать черную проволоку, из которой был сделан этот забор, перекрывающий доступ. «Ничего примечательного, обычная проволока, только черная, – подумал Джон, – только кажется, что она растет из стен».

– Джон, иди сюда, – вдруг услышал он и пошел к Полу, который стоял около лежащих небольшой кучей тел. Подойдя ближе, он увидел дерзкого знакомого, который совсем недавно ругался с проводником, а сейчас он, вернее, то, что от него осталось, валялось перед ними. Его тело было рассечено на две половины и запекшиеся края раны, которая представляла собой срез туловища, не кровоточили, кожа свернулась, внутренности как будто припалились и держались внутри, не выпадая наружу.

– Много чего я повидал в жизни, а такое вижу впервые. Кстати, господа, а ведь бойня произошла как раз напротив прохода в средний туннель. Не кажется ли вам, что кто-то просто защищал вход туда, – сидя на корточках и глядя на жуткую картину, спокойно проговорил Спаркс.

– Не хочу здесь задерживаться, – вдруг гулко прозвучал бас Пола в этой тишине. Он повернулся и, чуть сгорбившись, как будто ему давили на плечи своды потолка, двинулся в сторону материка. Джон и проводник последовали за Полом, обдумывая увиденное.

– Что скажешь об этом, Спаркс? Ты раньше слышал об этих мстителях, – спросил Джон.

– Ходили слухи, что кроме этого зверя в туннелях еще кто-то живет, иногда в свете фар метались какие-то тени, иногда находили обглоданные крысами тела тех, кто забрел в туннели помимо нас. Туннели – это особый мир и он прав, надо скорее выбираться отсюда. «Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам», – неожиданно процитировал Спаркс, – кстати, знаешь почему этот бородач изъяснялся таким языком?

– Да. Он был одним из тех салафитов-радикалов, кто отрекся от нововведений в религии, которые появились после смерти Посланника Аллаха, и строго следовали тому, с чем пришёл последний из пророков в вероубеждении, в поклонении, одним словом – в исповедании Ислама. По их мнению, ислам – это ислам 7 века, что является результатом их буквального рассмотрения Корана, как строго поверхностного, негерменевтического текста. Поэтому, любые действия или понятия, выходящие за рамки их мировоззрения, ранее подвергались постоянной жесткой критике, а сейчас террору. В результате чего, изначально мирный ислам, в их трактовке превратился в кровожадную, сначала внутриисламскую войну, а потом – в войну против всех.

Салафиты уверены, что ислам нуждался в очистке. Говоря об «очистке», они имели в виду освобождение от новшеств, добавленных в последующем в религию и освобождение от различных толкований. На этом основании салафиты непримиримы в отношении каждого религиозного положения, несоответствующего их позиции. Именно поэтому, из повышенной экзальтированности поведение салафитов становилось всё более радикальным. Они распространяли идеи «чистого ислама» путем радикального отрицания иных позиций, считая лживой любую мысль, кроме принятых ими. Помнишь, как лет 15—20 назад Саудовская Аравия тратила громадные деньги на распространение по всему миру салафизма как политико-идеологического фактора. Это движение набрало силу за эти десятилетия и сейчас является одним из самых сильных политических, а я бы сказал – чисто террористических, движений в мире. Их нетерпимость ко всему иному, а сейчас в том числе и к другим вероисповеданиям, стала высшей точкой накала и, по их мнению, подлежит уничтожению. Раньше они призывали к созданию Халифата, а сейчас просто ведут вооруженную борьбу за это. Они готовы убивать каждого

несогласного с этим – будь то мусульманин, представитель иной веры или атеист. А сейчас и того хуже – под их личиной действуют оставшиеся в живых террористы, которые очень быстро набирают силу у мусульман.

Салафиты хоть и кричат о том, что они и есть «ас-салаф ас-салих» – «праведные предки», а на самом деле именно они извратили основы ислама, ведь в Коране говорится неоднократно о том, что если бы Всевышний хотел, чтоб все были мусульманами, то все были бы мусульманами. Если есть другие люди, значит, так было угодно Аллаху:

«Вы – дети Адама, а Адам был создан из праха. Пусть люди прекратят похваться своими предками» (*Абу-Дауд*). «Ваш род не является поводом для оскорбления кого-либо. Все вы дети Адама. Никто не имеет превосходства над другим, кроме как в вере и благочестии» (*Ахмад*).

– Такие печальные дела, Спаркс, – закончил свою речь Джон.

Дальше они шли молча, невольно ускорив шаг и упорно сокращая расстояние до выхода наружу. Мрачная тишина тоннеля нарушалась только гулким эхом их поступи. Зеленоватый полумрак в окулярах их «ночников» рассеивался перед ними по ходу движения и смыкался следом за ними. Через какое-то время они наконец увидели сначала слабый мерцающий свет, который, по мере их приближения, становился всё сильнее и сильнее.

Это был выход на материк.

Боевое охранение, несущее караул на подступах к посту сначала насторожилась, но потом, узнав Спаркса, приветствовало путников и пропустило к сидящей вокруг бочки с огнём группе вооруженных людей. Они потеснились, чтобы дать место пришедшим погреться у костра.

– Что там произошло, Спаркс, – спросил, судя по виду, командир этого небольшого отряда.

– Оно напало на нас, утащив двоих и перевернув грузовик, а потом расисты устроили засаду на салафитов и всех перебили, но и сами там погибли. Они затеялись биться прямо у входа в средний туннель и, после того как перебили мусульман, сами пали от рук неизвестных с каким-то необычным оружием. Такого лазера я ещё не видел, Сэм. Режет человека пополам как лист бумаги и при этом запекает, как сэндвич. Ни капли крови, ни тебе висящих кишок, всё аккуратно и от этого ещё страшнее. Да и умирает несчастный, судя по всему, сразу – без боли, даже не успевает понять, что произошло. У них на лицах застыло выражение крайнего удивления, – ответил Спаркс.

– Мда, дела... а ведь мы слыхали о подобном. Ладно это чудище – с ним понятно, грызет себе и грызет, берет свою кровавую долю и пусть. Откуда эти-то взялись, – в раздумье произнес вояка.

– Оттуда же, откуда и поезда и работающая система подачи воздуха и электричество внутри тоннелей, вот откуда, – произнес Джон, указывая рукой на въезжающий в соседний туннель поезд.

– Что они там возят, кто-нибудь знает, – глядя на одинаковые черные вагоны-контейнеры без каких-либо опознавательных знаков, спросил Джон, – хоть кто-нибудь из вас пытался выяснить: что там внутри и кто за этим стоит?

– А как же, – ответил Сэм, – были смельчаки, пытались разноухать всю эту историю. И что – где они теперь? Червей кормят, вот где. Ни один из них не вернулся обратно, все остались там, лишь пару тел нам удалось найти вблизи той ограды, – и он ткнул пальцем в сторону тянувшегося вдоль пути забора из толстой, сверкающей в свете заходящего солнца, проволоки.

Джон направил бинокль-сканер на вагоны и начал сканировать вагоны. Нигде не было видно ни одного человека, но их присутствие явно ощущалось и даже через стекла Джон почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он видел, как исчез хвост поезда внутри тоннеля, как закрылась за ним огромная железная дверь, как погас сверху зеленый огонёк и казалось,

что всё вымерло, но это так было не так – кто-то невидимый продолжал смотреть ему прямо в глаза....

Джон попытался сделать спектральный анализ сканированных вагонов и груза внутри, но это ему не удалось. Хоть и пробивалось что-то изнутри, но что это – понять было невозможно. «Нужна аппаратура посерьёзней», – подумал про себя Джон. Оставив эту загадку на потом, Джон встал, и полез на бугор, находящийся над въездом в тоннель.

Он был впервые на материке и первый неанглийский город, который он увидел, это был – Кале.

Один из старейших городов Франции, предстал перед его глазами. Джон знал, что каналы четко разделяют его на две части – старый и новый Кале. Старый район носит название Кале-Нор и в нём обосновалась группировка «высшей расы». Новый район называется Кале-Зюд и там была вотчина «салафитов мира». Естественная водная преграда между этими двумя воюющими общинами способствовала удержанию позиций каждой из них и служила дополнительным рубежом защиты для каждой. В «Европа-Сити», ранее огромном торговом комплексе, сейчас находилось «белое гетто», почти такое же в котором жил и он. Хорошо укрепленное с трех сторон высоким прочным забором-стеной, с четвертой стороны оно было защищено морем, до которого шли возделываемые поселенцами поля. Граница гетто шла по дороге, и терминал Евротоннеля уже не принадлежал белгетам. Составляя маршрут, Джон пытался найти информацию о тех, кто владел сейчас этим терминалом, но ему это не удалось сделать. И это ещё была одна загадка....

Спустившись вниз, Джон увидел, как отряд готовится к наступлению ночи, раскладывает спальные мешки из термоматериала, часть из тех, кто не дежурят сегодня ночью, двинулись в сторону небольших домов, в которых практически не было окон и только небольшие бойницы пропускали свет внутрь. Он знал, что существует договоренность между всеми воюющими сторонами о ненападении на стражей тоннеля, но судя по всему, осторожность не бывает излишней. И его и Пола также направили в один из таких домиков, где они и провели ночь – свою первую в жизни ночь не на острове, а на континенте под названием Европа.

Джон спал плохо, и сон его был беспокойным – ему снились и собаки, рвущие на части человеческую голову и ведьмы на берегу возле костра и горящие глаза их необычных спутников, исчезающие вместе со страшным звуком рвущегося металла в жуткой темноте тоннеля, и рубленые куски человеческих тел с оплавленными краями страшных ран.

Так с ним прощалась его родина, Святая Англия, – и так он прощал её и уходил от неё навсегда....

Материк

Первое утро на берегу Франции встретило его ярким солнечным светом, легким теплым ветерком и радостным щебетаньем птиц. Джону казалось, что природа радуется его прибытию, как бы говорит о том, что дальше всё будет лучше, проще, удачнее что ли. Осматриваясь вокруг, он видел, как спокойна походка окружавших его людей, как неторопливо приводят они себя в порядок после ночи, как умываются и, также как и он, радуются наступлению нового дня. Территория, на которой находилась база стражей тоннеля, с середины десятых годов принадлежала лагерю беженцев из Африки и Азии, однако после перенесенной эпидемии лет 5—6 назад, опустела. И только после мощной санитарной обработки всего поля в несколько гектар, здесь были построены эти сооружения.

Ощущение приближающегося какого-то нового, скорого и радостного события неожиданно заполнило его и он, впервые за много лет, широко улыбнулся миру....

Вышедший из дома Пол сиял довольной физиономией. Судя по всему, солнечное и такое безмятежное утро на материке тоже вселяло в него надежду на удачное завершение его миссии. Позавтракав, они обсудили план дальнейших действий и решили зайти в «белгетто» и попытаться найти там ответы на кое-какие вопросы. Путь их был недалек и безопасен, главное — не подходить близко к терминалу Евротоннеля. Подойдя к воротам гетто, Джон позвонил на добытый им в сети номер и представился в ответ на заданный вопрос. Ворота открылись, и они попали внутрь. Их взгляду открылась картина очень похожая на бывшее жилище. Те же высокие стены с защитой из колючей проволоки под напряжением наверху, те же вышки с охраной, такие же люди в привычной их глазам одежде. Отличие было только в том, что фермерские поля были тут же и вдалеке виднелось море. На берегу был оборудован хорошо защищенный причал с вышками и пришвартованными боевыми катерами. Рыболовецкие суденышки сновали к месту разгрузки и обратно в море. Жизнь здесь шла своим чередом и, казалось, что так было всегда: спокойно и не спеша люди жили, трудились и — любили....

Они прошли за провожатым к руководству гетто и встретивший их человек невысокого роста пристально посмотрел на них своими голубыми выразительными глазами, как будто пытаясь проникнуть в самые мысли.

— Франсуа, — представился он, — и общаться вы будете со мной, господа. Будьте добры, сначала расскажите о цели вашего визита, а потом мы побеседуем о вашем гетто и о ситуации на острове, если вы не против.

— Да, конечно. Благодарю Вас за прием и у меня есть несколько вопросов, которые меня достаточно сильно заинтересовали. Для начала — могли бы Вы предоставить мне аппаратуру для проведения подробного анализа образца одного материала. Мой переносной спектроанализатор не справился с этой задачей. А потом хотелось бы провести анализ скана вагонов поездов,двигающихся по тоннелю — я смог сделать сканирование, но для выяснения груза также нужен достаточно мощный компьютер.

Франсуа ответил не сразу. Он задумчиво смотрел на Джона и тому стало понятно, что если первая просьба не вызвала у француза никаких вопросов, а только живой интерес, то вторая просьба серьезно его озадачила. — Ладно, — наконец произнес Франсуа, — давайте посмотрим для начала на Ваш неведомый кусок чего-то там, а потом будем посмотреть, как говорится. Они прошли вслед за ним в один из залов, где располагались несколько столов с работающими мониторами и сидящими за ними людьми, и Джон понял, что они находятся в «святая святых» гетто — аналитическом центре, в таком же, где работал и он сам. Посторонившись в ответ на несколько слов Франсуа на французском, один из сидящих уступил место Джону. Расположив кусок материала перед глазом 3D-сканера, Джон запустил программу и, через несколько секунд, перед ними показалось голографическая копия куска, как будто висящая в воздухе.

Он поворачивался по часовой стрелке и было видно, что это что-то необычное. Мелькающие рядом строки говорили о том, что компьютер пытается найти решение задачи, подбирая аналог из известных ему миллионов сочетаний. Прошедшие минуты казались вечностью и стоящие за плечом Джона Пол и Франсуа в тишине наблюдали за работой программы. Наконец раздался тонкий звонок и перед их глазами в воздухе завис вердикт: «Химический состав представленного образца определить не удалось. Имеющихся данных не хватает для определения структуры материала».

– Мда, – услышал за спиной Джон, – серьёзная штукавина.

Слова Пола как будто разбудили Джона и он, пряча в рюкзак кусок, повернулся к ним.

– Такие дела, Франсуа, и здесь неудача. Спасибо за попытку. А что со сканом вагонов – надеюсь, что с этим не будет проблем?

– Давай посмотрим, – ответил француз, и сменил Джона за компьютером. Поколдовав немного над виртуальной клавиатурой, он жестом предложил англичанину передать ему скан поезда. Джон открыл свой сканер и подтолкнул повисшую в воздухе 3D-скан вагона к приемной площадке системы. На экране замелькали цифры, буквы и вдруг изображение на голографическом экране дернулось и пропало, потом появилось вновь, но через пару секунд снова исчезло, экран потух и послышался странный щелчок, как будто рядом кто-то невидимый щелкнул пальцами. Франсуа резко отшатнулся от компьютера и непонимающе уставился на Джона:

– Ничего не понимаю, – произнес он, глядя на Джона широко открытыми глазами..., – такого никогда не было.

Джон молчал. Он думал о том, что всё это очень странно, ведь видно же было сразу, что этому хитрому французу вся эта затея со сканом вагонов явно не нравится, а тут еще как назло и комп сдох.... Да и как-то уж больно быстро всё это случилось – как только он получил полный скан вагона.

«Неужели он думает, что я не сохранил себе оригинал, – пронеслось в голове Джона, – ведь он же понимает, что это копия». Как будто прочитав мысли Джона, француз произнес:

– Надеюсь, что у Вас есть копия, ведь мы можем пройти к другому компьютеру.

– Да, – внезапно для самого себя согласился Джон, – почему бы и нет. Конечно же есть копия, ведь оригинал только что погиб вместе с компьютером. Веди нас, лягушатник хренов, – подумал про себя Джон, – сейчас посмотрим, как ты выкрутишься.

Они пошли к другому рабочему месту, как неожиданно где-то вдалеке прогремел взрыв и одновременно с ним, в зал вбежало несколько человек. По ним было сразу понятно, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

– Франсуа, – закричал один из них, – салафиты напали на терминал Евротоннеля. Там началась настоящая война!!

Франсуа кинулся к стене, что-то сделал там, и она внезапно и бесшумно отъехала в сторону и их глазам открылась широкая панорама происходящего.

Это огромное окно выходило на дорогу, мосты и терминал, до которого было не больше одного километра.

Сотни бойцов в черных тюрбанах и длинных, почти до пят, халатах с автоматами наперевес, пригибаясь, перебегая и прячась за естественными укрытиями, приближались к терминалу со всех сторон, сжимая вокруг него безжалостное кольцо смерти. Из полукруга, расположенного там, где находился тоннель «Евростара», били их минометы, кучно кладя снаряды в самую сердцевину терминала. Ухали прямой наводкой пушки, выбрасывая из своих жерл столпы пламени и неся осажденным неминуемую гибель. Вгрызаясь в землю и поднимая столбики пыли, жалили пули, от которых, казалось, нет спасения. Разрывы гранат подбрасывали в воздух рваные куски тел как с одной, так и с другой стороны. Протяжный крик «Аллах акбар» из сотен фанатичных глоток сливался в единый нестройный, но мощный гул. Подхлестывая

сами себя, эти смертники всё ближе и ближе продвигались к терминалу и, не смотря на огромные потери, всё упорнее и упорнее старались овладеть заветной целью.

Ответный огонь был не такой страшный по своей силе, но намного эффективней по точности и поражающей силе. Получив пулю, подкошенными снопами валились черные воины-мусульмане на землю Европы. Поле брани становилось всё более похожим на разбухший от весенних дождей чернозем, который своей яркой чернью проглядывал сквозь жухлую прошлогоднюю траву. Следовавшие один за одним сухие щелчки выстрелов защитников терминала неминуемо вырывали из рядов нападавших всё больше и больше бойцов

Но воинов ислама было слишком много, огонь из орудий всё смертоноснее и смертоноснее и вот уже они уже вплотную подошли к ограждению, вот они начали взрывать забор и опорные столбы, вот черной массой начали втекать на территорию терминала, вот всё реже и реже звучали ответные выстрелы... вот уже становилось тихо, но потом перестрелка вновь возобновлялась и снова стихала... Рваный дым-туман от дымовых шашек, которые бросали нападавшие, и стелющийся по земле, помог им проникнуть внутрь и закрывал поле брани от глаз, смотревших на это из-за стекла.

Тишина наступила как-то внезапно и наблюдавшие из-за стекла за боем наконец-то перевели дух. Но они даже не успели переглянуться, как вдруг земля вздрогнула, дернулась, будто огромное животное, раздался глухой подземный взрыв, и они только успели увидеть, как поднялись и тут же рухнули вниз здания, постройки и железнодорожные пути терминала, унося с собой под землю и защитников и нападавших....

Оседающая от взрыва пыль кружилась в воздухе, подгоняемая небольшим ветерком и садилась, открывая взорам наблюдателей этой жуткой трагедии страшную картину последствий этой бойни: на месте терминала зияла огромная воронка, причем она не была сильно глубокой, нет – она поражала своими размерами! Видневшиеся в ней остатки зданий и сооружений, торчащие изогнутые рельсы, покореженные столбы – всё это казалось поломанным игрушечным детским набором, как будто небрежно брошенным ребенком-великаном.

Не было видно ни одного человека на месте только что прошедшей маленькой войны, унесшей столько жизней. Хотя и сильны были защитники терминала, хоть и владели они оружием намного лучше нападавших, но нападавших было гораздо больше – во много раз больше и ничего не могло спасти отчаянно оборонявшихся от гибели.

– Я иду туда, – неожиданно для всех произнес Пол, – может кто еще живой, так помогу.... Не ожидая никакой реакции от остальных, он неторопливо направился к выходу. Джон, также не оборачиваясь, пошел за ним. Больше смелых среди присутствующих не нашлось....

Мари

Осторожно продвигаясь между тел салафитов, оперений мин и неразорвавшихся снарядов, они дошли до края воронки и, стоя сверху, стали осматривать то, что когда-то было терминалом Евротоннеля. Разбросанные остатки человеческих тел, исковерканные железные прутья и рельсы, дымящиеся очаги чего-то горючего, куски стен и камней – всё это было вроде бы перемешано, а в то же время как будто лежало отдельно – настолько отчетливо были видны страшные следы разрушений, что не мог воспринять глаз человека эту жуткую смесь из человеческих тел и камней как единое целое, как общую картину произошедшей беды.

Идя с Полом по краю воронки, они осматривали лежащие тут и там тела, надеясь найти хоть кого-то оставшегося в живых. Но все их попытки были тщетны. Мертвая тишина была ответом на их крики, которыми они пытались привлечь внимание выживших.

Неожиданно краем глаза Джон увидел какое-то шевеление где-то там, за дальним краем воронки. То ли ему показалось, то ли на самом деле чья-то рука шевельнулась за бруствером из камней и металла. Он пошел в ту сторону и, приблизившись к очередному завалу, стал внимательно осматривать руины. И в самом деле – неподалеку, в куче битых камней белела человеческая рука. Подойдя вплотную к ней, Джон присел и начал аккуратно разбирать завал. Оттаскивая крупные куски арматуры, осторожно снимая битые части стен и рваный металл, они работали с Полом быстро, но аккуратно, понимая, что любое неосторожное движение может вызвать обрушение и тогда они не спасут этого единственного живого свидетеля трагедии. Наконец-то они смогли разобрать завал и очистить лежащего перед ним человека. Он лежал навзничь, безвольно разбросав руки и был весь покрыт пылью, рваная шапка на голове была в крови и им вначале показалось, что он мертв и они опоздали, но неожиданно он всхрипнул и дернулся всем телом, как будто пытаясь встать. Они осторожно подняли его на руки и не спеша понесли его на траву, видневшуюся за краем воронки, между рельсами. Там они положили его на спину и с удивлением увидели, что это была женщина, вернее девушка лет 25. Вся её одежда была в смеси грязи, крови и какого-то масла, пропахший гарью комбинезон во многих местах был пробит пулями и осколками, черные как смоль волосы были спутаны и закрывали лицо лежащей. Осторожно отодвинув пряди, Джон увидел лицо несчастной. Оно было всё в крови, стекавшей с головы и запекшейся на лбу, пыль покрывала её щеки, но даже это не могло скрыть её красоту. Еле различимое хриплое дыхание, нервно вздымающаяся грудь, судорожное движение глаз за закрытыми веками, всё это говорило о том, что она отчаянно цепляется за жизнь...

Джон быстро настроил наручный компьютер на медицинский сканер и начал проводить им вдоль тела девушки. Закончив сканирование, Джон повесил в воздухе над экраном голограмму её тела, на котором разными цветами были отмечены места ранений. Красным были выделены места сильных повреждений, там, где ран было немного, и они были незначительными цвет менялся от бледно-розового до желтого, здоровые участки тела были показаны зеленым цветом. Из осмотра стал понятен характер и количество ран, которые на удивление оказались не столь существенными: были сломаны два ребра, имелся ушиб селезенки, сотрясение мозга, рваная рана головы – след от пули, прошедшей по касательной и поэтому не причинивший серьезного вреда и осколочное ранение предплечья. Пол молча протянул ему небольшой чемоданчик-аптечку, и Джон стал доставать оттуда необходимые лекарства. Перевязав голову и руку, Джон приступил к поломанным костям и, расстегивая комбинезон, чтобы наложить на поломанные ребра быстросохнущий и придающий необходимую форму поломанным костям гель, Джон увидел под зеленой военной майкой красивую девичью грудь с твердыми сосками, которая то поднималась, то опускалась при дыхании. Подняв майку, чтобы добраться до повреждений, он стал осторожными движениями наносить гель на ребра, сверяясь по голограмме,

и придал ему необходимую форму. Лечебный состав стал быстро твердеть и застыл, прилепившись к сломанным костям. Пол приподнял тело девушки, и Джон перевязал его поверх геля. После этого, он ввел ей ингибитор вируса и препарат иммунозащиты, который сильно повышает иммунитет человека при подобного рода травмах. – Минут через двадцать они придет в себя, – произнес Джон и посмотрел на Пола, – что мы с ней будем делать?

Пол молчал и только продолжал, не спеша осматриваться, продолжая вести наблюдение. Постороннему человеку было бы непонятно – слышал он вопрос своего напарника или нет, но Джон-то точно знал, что тот думает. Только когда он решит что-то – было не известно и поэтому он продолжил:

– Мы не знаем людей в гетто, ведь француз явно не хотел нам помочь выяснить что находилось в вагонах. И мы не знаем, как они себя поведут с ней, тем более что-то мне подсказывает, что оставлять ее там нельзя. То, что она не из салафитов – это точно. Кто она и что здесь делала – вот это я и хочу выяснить сам. Предлагаю найти убежище и там выходить её. Если не согласен – слушаю.

– Таскаться с ней и время терять. У нас другая задача, ведь мы не спасатели и нам нужно идти вперед, а не быть сиделками для этой девки, – глядя прямо в глаза Джону, медленно проговорил Пол.

– Она нам пригодится и, как мне почему-то кажется, ещё и поможет нам. Поверь мне, Пол, она точно не будет обузой. И потом – идти она сможет, ей просто нужен один-два дня, чтобы восстановиться. Я прошу тебя довериться мне и помочь найти убежище для нас. А я пока вынесу её отсюда, глядишь ещё кто придет.

– Ладно. Пойду поищу что-нибудь подходящее.

Пол поднялся, казалось будто он неловко повернулся и тут же исчез из виду. Джон всегда удивлялся его способности маскироваться и быть незаметным при всей своей громадности. Приподняв голову девушки, он еще раз смочил ее губы отваром исландского мха, который является хорошим тонизирующим средством. Этот рецепт он помнил с детства, и им его поила его бабушка, когда он болел или хандрил. «Дерьмо конечно, но помогает здорово», – вдруг промелькнули в его голове слова-воспоминания...

Джон взял её на руки и, внимательно глядя себе под ноги, стал уходить дальше от места бойни, стараясь идти так, чтобы его не было видно из окна гетто. Поэтому он шел петляя, скрываясь за остатками стен, кучами мусора и полуразвалившимися будками с поломанными шлагбаумами. До небольшого поселка Сен-Трика было около трех километров по прямой, и Джон знал, что примерно туда Пол и направился. Идя полями на юг от Кале, он нес девушку изредка поглядывая на её лицо и, откровенно говоря, – любуясь им. Когда он перевязывал рану на голове, то слегка протёр лоб и щеки от грязи и крови и теперь ему было видно насколько она хороша собой. Широкие скулы, узкий подбородок, веки с длинными загнутыми вверх ресницами, тонкие изогнутые брови, чувственные губы, стройный, чуть широкий к низу, нос и милые складочки, идущие от носа к уголкам губ, всё, – в том числе и форма лица в виде сердца, явно говорило о славянском происхождении. Мерно покачивающаяся голова на его плече, тихое спокойное посапывание и некая умиротворенность в её позе вызвали в его груди чувство жалости к ней. Ему хотелось обнять её, крепко прижать к себе, защитить собой.... Давно забытое чувство нежности, желание выразить свою ласку и подарить тепло этому человеку, лежащему у него на руках – вот что сейчас испытывал Джон, идя с ней по полям Франции.

И тут он понял, что пришло то, чего он ждал и мечтал в глубине души и сбылось то, что ему грезилось утром....

Он увидел Пола, только когда он был уже совсем рядом. Аккуратно взяв у него девушку, он пошел спереди, и они прошли оставшиеся пару километров до выбранного Полем дома в качестве укрытия. Строение, в виде каре состоящее из четырех отдельных построек, давало

дополнительную защиту в случае угрозы и находилось на краю деревни. Стоящий чуть поодаль большой ангар с пристройкой был дополнительным преимуществом у этого, стоящего на краю деревни, придорожного постоялого двора – небольшой деревенской гостиницы.

Уложив девушку в одной из угловых комнат, в которой не было ни одного окна, Пол отправился на более детальный осмотр строений, а Джон попытался создать хоть какой-то минимальный комфорт для спасенной. Комната без окон была выбрана не случайно: во-первых – существенно снижался риск проникновения извне в это помещение, во-вторых – придя в себя, раненная не сможет незаметно покинуть своих спасителей, а этого Джон опасался больше всего. Поэтому и на ночлег он расположился в этой же комнате рядом со входом. Напряжение этого тяжелого дня сказывалось и на нём, но он боролся со сном, ожидая возвращения Пола. Как всегда, он подошел незаметно и только тихий условный стук в дверь известил Джона о возвращении напарника. Войдя в комнату, тот присел рядом с другом и тихо доложил обстановку о выбранном им укрытии, возможных путях отхода и, что самое ценное было сейчас для Джона – отсутствии поблизости кого-либо из людей. Это давало надежду, что они смогут провести несколько дней здесь и выздоровление спасенной не перервется. В погребе Пол нашел запасы еды и вина, которые были спрятаны за потайной дверью. Зная нюх Пола на всякие тайные ходы, тайники и прочие, скрытые от других, секретные дела, Джон абсолютно не удивился. Но, и его и Пола насторожило то, что во всех помещениях этой бывшей гостиницы был порядок и чистота. Казалось, что её обитатели отъехали куда-то и скоро должны вернуться домой. Поэтому они решили скрыть следы своего присутствия здесь, ну хотя бы минимизировать их, и были начеку в ожидании появления хозяев. Половину ночи дежурил Пол и поэтому Джон улегся спать, перед этим ещё раз осмотрев раны девушки и, на всякий случай, сканировав её всю полностью, сохранил 3d-изображение. Он не стал отправлять запрос на её идентификацию, так как был практически уверен, что ответа он не найдет. Обыскав её карманы, как он и предполагал, он ничего не нашел.

Ему показалось, что он только коснулся головой рюкзака, который служил ему подушкой уже далеко не первую ночь, как тут же проснулся от осторожного потряхивания за плечо. Пол смотрел на него и пальцем показывал в сторону кровати, на которой металась в горячке несчастная. Джон быстро метнулся к ней и услышал, как шепотом выкрикивает слова на неизвестном ему языке, в котором, однако, ему слышалось что-то знакомое.

– Она в бреду, – произнес ему на ухо Пол, – и это длится уже около получаса. Я не хотел тебя будить, но ей всё хуже и хуже, и надо что-то делать.

Джон перевёл свой наручный компьютер в медицинский терминал и через полминуты они получили заключение, которое гласило, что её физиологическое состояние в норме, а горячка вызвана психосоматикой. Скорее всего, она так много пережила за последнее время, что это нашло выход у нее именно сейчас – когда она была без сознания. Придержав ее, Пол дал возможность Джону ввести транквилизатор ей, и она постепенно начала затихать на кровати. Лишь изредка бросая голову из стороны в сторону, она что-то вскрикивала, как будто зовя кого-то, а потом бессильно откидывалась на подушку. Когда она окончательно успокоилась и заснула, Джон еще раз прослушал записанные им слова, которые она кричала в бреду.

– Скорее всего, это русский – произнес он, обращаясь к Полу, – и я это уже где-то слышал. Сейчас мы это точно узнаем.

Он ввел запись в переводчик, и они слышали следующее:

«Нет... нет... здесь опасно... не успеть... прощай...».

Как Джон и предположил, язык на котором она говорила – был русским и это сильно озадачило обоих друзей. Исходя из этого, погибшие защитники терминала были русскими? Что они делали здесь, в сердце Европы? Какие грузы они охраняли и отправляли на остров? Что же там такое, что они пожертвовали собой, уничтожив все следы того, что было в терминале?

И ещё много других вопросов роилось в голове Джона, и он понимал, что ответы на них они получают только тогда, когда спасенная ими русская придет в себя. И то, – если получают ответы...

Набежавшие вчера вечером тучи рассеялись, и утро пришло вместе с солнцем, и поэтому день обещал быть не по-осеннему теплым. За ночь их никто не тревожил, они смогли выспаться, и их подопечная тоже особо не буйствовала во сне, так пару раз вскидывалась в бреду, но к утру бог сна Морфей забрал её к себе, и она спокойно проспала до нового наступившего дня. Джон уже после завтрака пришел в комнату к больной и увидел, что она не спит, а просто лежит с закрытыми глазами и как будто ждёт начала разговора со своими спасителями.

– Доброе утро, мэм, – произнес Джон чуть охрипшим от волнения голосом, – как Вы себя чувствуете?

Открыв глаза, девушка медленно повернула голову чуть набок и посмотрела ему в глаза. Она смотрела с едва заметным прищуром и, казалось, что взгляд её больших зеленых глаз проникает прямо в сердце. Она молчала. Молчал и Джон. Она как будто спрашивала его: «кто ты, зачем ты мне помог, что тебе от меня нужно» Это длилось довольно долго, и он не выдержал первым.

– Меня зовут Джон, я из белого гетто Лондона, а как зовут Вас и откуда Вы?

– Это не Англия, что Вы здесь делаете, – неожиданно быстро и строго спросила его незнакомка.

Джон хотел уже было ответить и рассказать свою историю, но успел поймать себя на мысли, что невольно подчиняется этому строгому тону и прямому уверенному взгляду красивых глаз. Он промолчал в ответ, отвел взгляд в сторону, как будто обдумывая её вопрос, затем снова посмотрел ей в глаза и произнес:

– Мэм, Вы не ответили на мой вопрос, а я имею право знать хотя бы Ваше имя и как Вы оказались в той бойне, – говоря это, Джон придал своему голосу уверенность, но вместе с тем и выказал в нём дружелюбие и участие, – мы не враги. Вы ранены, покой и уход просто необходим для выздоровления, и мы его обеспечим. Я предлагаю нашу помощь и хотел бы знать – кому я её оказываю.

– Джон, добро можно делать просто так, не ожидая ничего взамен и не манкируя этим, – она немного промолчала, как будто ожидая ответа, а потом продолжила, – иногда лишние знания – это большая обуза, а иногда и убивают.... Мое имя – Мари. А теперь – Вы могли бы сказать, что со мной, насколько долго я буду вынуждена находиться здесь и кто я – Ваша пленница или гостя?

– Ранения Ваши не столь серьезны, однако пару дней Вам придется провести в кровати, чтобы набраться сил для похода. Вы свободны в своих желаниях и можете идти куда пожелаете – нам нет нужды удерживать Вас. Но прошу прислушаться к моим словам и восстановить здоровье, хотя бы частично. Если же Вы решите идти вместе с нами, а это, согласитесь – гораздо безопаснее, то мы не будем противиться этому.

– Я устала, позвольте мне вздремнуть, – произнесла Мари, закрыла глаза и отвернула голову к стенке.

Джон молча встал и направился к выходу, чувствуя на себе её изучающий взгляд сквозь прикрытые веки. Выйдя из комнаты, он запер её и пошел на поиск Пола. Проходя по длинному коридору, по обеим сторонам которого, были двери в номера, он по привычке вслушивался в окружающую его тишину, но мысли его были с ней – с этой красивой девушкой, уверенной в себе, и, как показалось Джону, обладающей, какой-то непонятной ему, силой.

Он нашел Пола в погребе. Тот сидел возле двери тайного хода и медленно жевал ветчину, запивая её красным домашним вином. Волшебный аромат домашней еды чуть не сбил Джона с ног, и он только сейчас понял насколько он голоден. Взяв предложенный Полом кусок окорока, висящего за стеллажом, Джон буквально вгрызся в сочную мякоть, ощущая невероятный

вкус мяса, приготовленного чьими-то заботливыми руками. Казалось, что ветчина ещё хранит тепло домашней коптильни, что ещё слышится треск поленьев и ощущается запах дыма....

Джону вспомнилось многое в этот момент: как он вместе с отцом собирает сухие ветки в небольшом лесочке сразу за домом, как они растапливают коптильню – сначала небольшими щепами простых деревьев и она начинает нагреваться, как идет тепло от её раздутых боков и как отец подкладывает на решетку поленья фруктовых деревьев, которые сначала горят неохотно, а потом набирают в себя силу огня и начинают трещать и гудеть и жар от коптильни становится всё сильнее и сильнее. Он видит, что поленья сбросили первое пламя и начали гореть ровно и неспешно и отец слегка ворошит их, поднимая сноп искр, и огонь стихает, а раскаленные угли уже как будто ждут большой кусок свежей свинины, чтобы превратить его в сочное нежное лакомство, вот он вешает свиную ногу в коптильню, где она сразу обволакивается нежным теплым одеялом вкусного запаха тлеющих углей....

Патрик

Тихий скрип открываемой двери прервал его воспоминания, и они увидели, как в полумраке подвала бесшумно появилась темная фигура в длинном плаще и надвинутом на лицо капюшоне. Невидимые из-за открытой двери напарники наблюдали как человек прошел к лестнице, оставаясь спиной к ним и вдруг замер. Скользнувшая огромная тень Пола сжала затрепыхавшуюся в огромных ручищах маленькую фигурку и аккуратно отнесла её вглубь погреба. Они оба молчали, ожидая ещё непрошенных гостей. Прошли несколько томительных минут, но дверь так и осталась приоткрытой и больше так никто не показался из черноты потайного хода. Джон бесшумно скользнул к двери и аккуратно закрыл её, набросив толстый железный крючок на такое же толстое кольцо, торчащее из косяка дверной коробки. Пол поднял безвольное тело пленника, и они пошли наверх. Перенеся свою ношу в большую столовую, Пол уложил маленькое тщедушное тело на диван и откинул капюшон. Перед ними лежал подросток. Его голова склонилась набок и казалось, что он спит.

– Ты его часом не того... он вообще живой или как, – спросил Джон своего друга.

– Я легонько его... кто же знал, что он такой слабак, – виновато произнес Пол и осторожно наклонившись, стал прислушиваться к дыханию лежащего мальчика, – живой, просто в отключке.

Джон налил воды и слегка брызнул на маленькое, почти детское, бледное лицо. Парнишка повернул голову, встряхнул ею и вдруг резко открыл глаза. Его взгляд был ещё немного замутнен, но он явно всё помнил и соображал где он и что с ним.

– Ты кто и зачем здесь, – спросил его Пол, продолжая нависать над ним как гора.

– Я Патрик, это наш дом, но мы не живем в нём постоянно, потому что это очень опасно. Поэтому мы прячемся неподалеку под землей, а сюда ходим за продуктами и так... по необходимости, – испуганно глядя на них, произнес мальчуган. Вдруг из его глаз покатались слезы, и он тихо прошептал, – не убивайте меня, пожалуйста... я сделаю всё, что скажете.... Мама очень больна, а у папы нет сил о ней заботиться, потому что он совсем плох после того как его покусали дикие собаки. А сестренка одна не выживет....

Он плакал тихо, почти беззвучно, стараясь даже своим плачем не раздражать их. Большие крупные слезы текли из серых, широко открытых и, не по-детски взрослых, глаз, а он даже не пытался их стереть, а просто смотрел им в глаза....

Пол встал и отошел к закрытому ставнями окну. Он молча смотрел сквозь небольшую щель на дорогу, проходящую перед домом.

Джон сидел, опустив голову вниз, и комок стоял у него в горле от этих страшных своей недетской безысходностью слов.

И он и Пол повидали много в этой жизни, они убивали и много раз сами были на волосок от смерти, они видели горе и смерть рядом, и смогли уцелеть, лишь только закаляясь в этой постоянной бойне.

Но сейчас они впервые увидели неприкрытую искреннюю боль так близко, они впервые почувствовали страшную человеческую незащищенность и готовность к смерти прямо рядом с собой – она смотрела на них сквозь слезы глазами ребёнка готового на всё ради жизни своих родных.

– Ты хочешь есть? – раздался голос Пола.

Тихое всхлипывание прекратилось, и они слышали едва различимый вздох облегчения.

– Мне бы семью покормить, – совсем по-взрослому ответил мальчишка.

– Как ты себя чувствуешь, может болит что? – как бы отвечая на его фразу, произнес Джон.

– Нет, мне хорошо, – ответил Патрик и попытался сесть на диване, но вдруг его лицо посерело, и он стал заваливаться набок. Джон успел его подхватить и уложил обратно.

– Голодный обморок, да ещё и придушил ты его не слабо, – констатировал Джон, – надо его накормить, а то он, по ходу, только семью и кормит, а сам себе отказывает.

Пол поставил чайник на огонь и сходил в погреб за едой. Он нарезал тонкими кусками ветчину, налил в бокал вино и крошил в тарелку сухарей, замочив их водой и добавив туда мёда. Джон за это время успел сходить к Мари, убедился, что она спит и вернулся в столовую. Патрик уже пришел в себя и глазами голодной собаки смотрел на все эти яства, но притронуться к ним не смел. По нему было видно, как он устал – устал от одинокой борьбы за выживание, от обессиляющего голода, от неимоверного желания насытиться, но его воля не разрешала это сделать, и он приносил еду своим родным, не притронувшись к ней, лишь довольствуясь парой сухарей за день.

– Пойми, – произнес Пол, – если ты сам не будешь есть, то не сможешь ни прокормить, ни защитить свою семью. Насколько мы поняли – теперь ты главный мужчина в семье, так?

Мальчишка кивнул, продолжая не отрываясь смотреть на стол.

– А раз так, то ты должен быть сильным, а без еды ты только лишь обуза для своих родных – ни помощи, ни защиты ты им оказать не сможешь, а это в конце концов приведет и их и тебя к смерти. Надеюсь, что это ты понимаешь? – закончил свою речь Пол.

– Но всем же не хватит еды надолго, если ещё и я буду есть.

– Её всё равно надолго не хватит, но будучи сильным – ты сможешь добыть её, а когда ты слаб телом, то и семья твоя обречена на гибель, – жёсткие слова Пола звучали как приговор.

По глазам парнишки было видно, что он задумался. Он осмысливал услышанное и наконец он поднял голову, обвел их взором и тихо произнес:

– Спасибо вам. Спасибо, что оставили в живых и научили меня как быть дальше.

Он сел за стол и накинута на мясо, торопливо пододвигая к себе тарелку с тюреей из сухарей и воды, и одновременно пытаясь достать бокал с вином. Пол перехватил его руку и аккуратно прижал вторую к столу.

– Не спеши и не ешь сразу много, – неожиданно нежно произнес Пол, – тебе станет плохо после длительного голодания. Ешь понемногу, пей больше вина и не торопись.

Патрик кивнул и стал есть медленнее, всё еще придерживая второй рукой тарелку с размокшим хлебом, как будто опасаясь, что её кто-нибудь вырвет из рук. Съев три тонких ломтика ветчины, он запил её большим бокалом вина и съев несколько ложек тюреей, откинулся на спинку стула. Его глаза осоловели, взгляд стал рассеянным и было видно, что он дико хочет спать. Пол поднял его на руки и положил на диван, а сам сел рядом с ним и посмотрел на Джона.

– Если эти двое будут находиться в разных помещениях, то мы будем обездвижены и незащищены. Их надо поместить в одной комнате и тогда ты останешься их охранять, а я пойду на охоту.

– Согласен, давай я перенесу его к Мари, а ты вернись до темноты – местность новая неизведанная, – ответил Джон.

– Так её зовут Мари, – медленно произнес Пол, – а что ещё она рассказала?

– Ничего больше, она очень слаба ещё.

Джон поднял мальчишку на руки и пошел в комнату, где спала раненая. Зайдя туда, он аккуратно опустил легкое тело на диван, стоящий у противоположной стены и подошел к Мари. Она спала на спине, слегка подвернув левую ногу и согнув здоровую руку в локте и положив её под голову. Черные волосы разметались по плечам и её ровное дыхание говорило о том, что сон её безмятежен и спокоен. Джон закрыл дверь изнутри на засов, опустил на пол около двери и положив голову на своего вечного спутника, на рюкзак, закемарил, сквозь дрему прислушиваясь к стоящей тишине.

Проснулся Джон от знакомого тихого стука в дверь. Поднявшись на ноги, он увидел, что Мари не спит, а лежит на здоровом боку и смотрит на него. Вошел Пол, он был весь в грязи и крови, но судя по его довольной физиономии – охота удалась.

– Это Пол, – представил Джон своего друга и указав на девушку произнес, – а это Мари.

Они оба кивнули друг другу и Пол, улыбаясь во весь рот, довольно проговорил:

– «Славная была охота, Маугли», – он потёр руки и продолжил, – удалось подстрелить пару здоровых диких кабанов, несколько голубей и пару больших и толстых собак. Джон, помоги мне их разделать, а потом я это всё заморожу и тогда еды этой семье хватит надолго.

– Я могу помочь Вам, месье, – неожиданно раздался голос с дивана. Все трое повернулись на голос и увидели, что мальчуган сидит, гордо выпрямив спину и смотрит им прямо в глаза, переводя взгляд с одного на другого.

– Пошли, малыш, – довольно хмыкнул Пол, и они вместе вышли из комнаты.

– Кто это? – спросила Мари.

– Сын хозяина этого дома, Патрик. Его отца сильно порвали дикие псы, мать больна, а сестренка ещё маленькая, чтобы заботиться о родителях. Вот всё и свалилось на его плечи. Парень молодец, держится, нюни не распустил и изо всех сил старается, чтобы его родные выжили.

– Мда, время нынче страшное, – задумчиво произнесла Мари, – по-разному ведут себя люди в этих обстоятельствах, кто из последних сил старается, чтобы человеческий облик сохранить, а кто при малейшей трудности готов ближнего порвать на куски. Но закон джунглей сильнее и таких намного больше, Вам не кажется, – она как бы испытующе посмотрела на него.

– То есть вы хотите сказать, что «Человек человеку волк», – спросил Джон, отвечая на её взгляд, – и Вы считаете, что это верно: «Homo homini lupus est»? И что таких больше, чем нормальных, сумевших сохранить себя, людей?! Тогда за каким чёртом нам надо было Вас спасать, тогда зачем мы сегодня оставили в живых этого несчастного парнишку? Ведь и Вы и он нам мешают и только лишь отбираете наши ресурсы, если рассуждать с Вашей точки зрения?!

Джон распалился и был готов ещё много чего наговорить этой вызывающе глядящей на него девушке, но вдруг он услышал:

– Я хочу есть, – безо всякого перехода неожиданно проговорила она.

Всё вскипевшее у него почему-то раздражение сразу улетучилось, и он произнес:

– Пойдемте, я помогу Вам дойти до столовой.

Опираясь на его руку, они медленно шли по коридору и он, ощущая совсем рядом тепло её тела, слышал, как всё громче и громче бьется его сердце. Ему даже стало неловко, казалось, что и она слышит, как оно стучит. Не глядя друг на друга, они дошли до столовой и, войдя туда, увидели полный хаос на столах, в том числе и обеденном. Снятые собачьи шкуры валялись в углу, а туши лежали посреди большого стола, стоящего посередине, и были явно готовы к разделыванию. Патрик возился с голубями, довольно большой кучей лежащих возле раковины, а сам Пол стоял неподалеку от него, смотрел как парнишка ловко управляет с очисткой птиц и правил нож на точиле. Увидев вошедших оба труженика оторвались от своих дел посмотрели на них.

– Мари хочет есть, – обращаясь к обоим поварам, произнес Джон.

– Это хорошо, значит организм идет на поправку, да мэм? – с довольной улыбкой сказал Пол, продолжив точить нож, – мы тут кашеварим немного и Вас не затруднит перекусить за маленьким столом?

Джон удивленно посмотрел на своего напарника – таким довольным он его не видел ещё ни разу за всё время.

– Ну что вы, конечно же нет и, надеюсь, вы не будете против, если я буду за вами наблюдать во время еды. Ведь это же так эротично, когда мужчина готовит, – улыбнулась она в ответ.

– И Вас не испугает вид крови и то, как я сейчас буду кромсать несчастных собачек, – Пол явно был готов к шуточному пикированию, за которым во все глаза наблюдал Патрик.

– Я ещё и не такое видала. Вот не будь я ранена, я бы показала вам, как надо управляться с ножом, – она засмеялась и подмигнула Джону.

Джон хмыкнул и усадив девушку на диван, придвинул к ней небольшой передвижной столик, а сам же пошел к Полу, который ржал как полковой конь от её последних слов, довольный удачной шуткой.

– Ты мясо куда дел?

– В погребе, за стеллажом, – не отрываясь от заточки ножа, ответил Пол.

– Пойдем, покажешь, а заодно и вино принесем.

Пол прекратил точить нож, внимательно посмотрел на друга и, отложив в сторону, камень двинулся следом за ним. Войдя в подвал, Джон повернулся к напарнику и спросил, глядя ему в глаза:

– Пол, что с тобой? Таким я тебя никогда не видел. Что произошло с тобой??

Пол присел на стоящую неподалеку колоду для рубки мяса и задумчиво произнес:

– Ты понимаешь, Джон, едва я увидел этого мальчишку, как сразу вспомнил своего младшего брата – он же ведь как две капли воды похож на него! Он даже говорит также, пусть и с акцентом, но манера речи, то как он произносит слова и сам его вид – ну вылитый Шон! Мне кажется, что это моя родная душа. Ну ничего не могу с собой поделать – мне так радостно, так хорошо.... Ведь я столько лет один, так долго никого из родных и близких не видел. А тут он – и смотрит на меня также и старается делать всё как я, – Пол замолчал и опустил голову, скрывая выступившие, как успел заметить Джон, слёзы.

Джон был в шоке от услышанного и, тем более, от увиденного. Пол ли был перед ним? Тот ли это Пол, который одним ударом мог убить быка и тот ли это Пол, который мог часами лежать в засаде под проливным дождём, а потом сражаться несколько часов кряду??

Джон сел рядом и, положив руку на огромные плечи друга, слегка притянул его к себе и тихо произнес ему на ухо:

– Пол, я рядом. Держись, дружище. Я понимаю, что тебя заботит, но у нас еще есть время, чтобы это обдумать.

Пол посмотрел ему в глаза и улыбнулся:

– Жизнь тяжелая штука, напарник, но мы же выдержим, да? – и он подмигнул ему.

Они принесли в столовую мясо, вино и мёд. Также они нашли в погребе немного сыра и решили устроить небольшой праздничный ужин в честь счастливого спасения двух пострадавших.

Быстро скинув собачьи туши в угол и тщательно вымыв стол, оба друга начали его сервировать. Патрик же в своем углу, закончив ощипывать птиц, уже жарил их на большой глубокой сковороде, смешав нежные куски мяса с душистыми приправами и найденными остатками масла. Шкворчание, доносившееся со сковороды, веселая суэта вокруг стола, наглухо закрытые ставни снаружи и жалюзи изнутри, горящие свечи в красивых подсвечниках на каминной полке, веселые лица с отблесками пламени на них – всё это создавало некую иллюзию домашнего милого праздника, эдакого рождественского ужина! И от этого ощущения было легко и весело всем! Патрик достал откуда столовые приборы, тарелки из остатков сервиза, красивые бокалы и главным, самым красивым, блюдом стола стала фарфоровая супница, доверху наполненная нежными, аппетитными, с хрустящей корочкой, дымящимися кусочками мяса. Вокруг неё, как планеты около солнца, расположились тарелки с ветчиной и сыром, розетки с мёдом и небольшие тарелки для масла, в которых, однако, лежали сухари.

Они расселись за столом и неожиданно замолчали, глядя на украшенный по-домашнему стол и ощущая эту, давно всеми забытую, домашнюю атмосферу праздника, пытаясь подольше

сохранить в себе это радостное чувство единения и любви, внезапно охватившее их всех. Первым прозвучал женский голос:

– Ну что, господа, тост?

Все посмотрели на Мари, которая сидела с бокалом в руке и с полуулыбкой смотрела на них. Они зашевелились, стали накладывать себе горячие куски голубятины, сыр с ветчиной и налили по бокалу вина, все кроме Патрика – ему плеснули в бокал морс, сделанный Полом специально для этого из найденных в погребке сушеных ягод.

– Предлагаю выпить за свободу, – чуть вызывающе произнесла Мари, – во всех её смыслах!

Она подняла бокал, чтобы коснуться им других, но ответом ей была тишина и только Патрик как-то не очень весело потянулся к ней со своим бокалом. Оглядев остальных, она пригубила вино и, отломив кусочек сыра, с явным удовольствием положила его в рот. Она продолжала смотреть на мужчин, чуть приподняв одну бровь и казалось чего-то ждет от них.

– Вы действительно считаете, что за это стоит выпить, – после довольно длительного молчания спросил Джон, – именно за то, чтобы «во всех смыслах»?

– Ну а почему нет, господа? Ведь это же прекрасно – свобода мысли, свобода чувств, свобода желаний и свобода их осуществлений, свобода жизненных устоев в виде отсутствия моральных ограничений – разве же это не здорово? Страны Европы и Америки сотни лет стремились к этому и наконец-то наступил этот «золотой век» – так почему же вы так нерадостны этому? Что же ещё может быть ценнее этого?

Произнося это, Мари смотрела на них прямо и открыто, как будто искренне веря в то, что она говорила, но Джон почему-то чувствовал какую-то фальшь в её словах, едва различимую, старательно скрытую фальшь, но он всё-таки сумел её распознать. Пол поставил бокал на стол, так и не притронувшись к нему, встал и отошел к окну, всем своим видом показывая, что не согласен со словами девушки.

– Мари, а что Вы скажете на это, – обратился к ней Джон и процитировал: «Цена свободы – не вечная бдительность, а вечная грязь». Что Вы ответите Джорджу Оруэллу на его высказывание? Вы считаете, что не прав? Посмотрите вокруг – Вы же видите, что происходит вокруг и не кажется ли Вам, что это и есть результат свободы во всех её смыслах?

Джон почувствовал, что начинает заводится, что его щёки начинают гореть, а движения становятся резкими. Чтобы немного успокоиться, он также встал из-за стола и отошел к дивану. Сидя там, он продолжал смотреть на Мари, ожидая её ответа. Патрик, оставшийся за столом, сидел слегка опустив голову и как бы исподлобья переводил взгляд с одного собеседника на другого.

– Согласитесь, Мари, – подал голос Пол, – что свобода не есть вседозволенность, а есть лишь возможность осуществления своих прав не в ущерб окружающим, то есть – сознательное ограничение себя в своей свободе там, где начинается свобода другого человека.

– Хорошо, а как же тогда свобода выбора, – спросила Мари, – и вот вам пример: пятнадцать лет назад правительства стран Евросоюза открыли двери миллионам беженцев из Африки и Азии потому что это был их выбор. Разве могли отказать им в этом толерантные жители стран ЕС, которые много десятилетий только и кричали о свободе? Нет, не могли, потому что тогда был бы нарушен основной демократический принцип. Значит есть свобода выбора и он состоялся. Разве ж это не благо?

– «Ни один человек не борется против свободы, – борется человек, самое большее, против свободы других», – почти вскричал Джон, – вот результат этой свободы выбора, как Вы говорите. И это сказал один из основоположников коммунизма – Маркс! Осуществив свободу выбора мигрантов с Востока, мы поймали именно это – их борьбу против наших свобод.

И что мы получили взамен?

Мы получили многократное увеличение преступности – и именно от населивших наши города мигрантов; волны террора, прокатившиеся по странам; глобальные изменения в законодательствах практически всех стран Европы в пользу пришлых народов, да-да, именно так – народов, а не групп беженцев, как нам впахивали в головы наши правительства, и, как следствие, – практически уничтожение наших законных прав, то есть основных норм и правил, которые были выработаны нами веками – всё было уничтожено менее, чем за пять лет!

В результате осуществления этого, так называемого права выбора, пытаясь спасти страны от охватившей страны преступности и террора со стороны мигрантов, правительства европейских стран видя, что ни полиция, ни вооруженные силы не справляются с ситуацией, пошли на беспрецедентный шаг – выпустили из тюрем преступников, заручившись их согласием на борьбу с мигрантами. И что же произошло? А то, что после выхода их тюрем, блатные, плюнув на договоренности с правительствами, взялись за своё и только увеличили волну преступности в Европе.

Как только уголовники покинули тюрьмы, туда тут же вселились мигранты, захватив их самовольно и спасаясь тем самым от терактов «белой армии». И мы получили хорошо укрепленные крепости с враждебной нам культурой, бытом и жизненными ценностями. Те же тюрьмы, которые не успели захватить салафиты, были захвачены, спасавшимися от сексуального террора, белыми гетеросексуалами. Так возникли первые белые гетто. Все попытки властей выкурить и одних и других оттуда привели к ожесточенным боевым столкновениям, но эти крепости так и остались за захватчиками!

А «белый террор»? Его волна прокатилась по Европе и Америке в конце десятых после серии страшных терактов, устроенных последышами ДАИШ (игил – организация, деятельность которой запрещена в РФ), уничтоженной русскими в Сирии. Удары были нанесены «БЕЛОЙ АРМИЕЙ» (*крайне правая нацистская группировка, в которую входят только белые жители – прим. автора*) по местам компактного проживания мусульман. Наиболее изощренной мезьей было следующее – захваченные пленники демонстративно уничтожались перед камерой, а их трупы тут же заворачивались в свиную кожу и хоронились с точностью до наоборот, как положено у мусульман. Всё ЭТО было выложено в сеть и это видели сотни миллионов людей. И пошло и поехало – взаимные уничтожения, нападения, взрывы, смерть и геноцид в чистом виде!

Свобода... А вот Вам и еще один пример свободы выбора: наши собственные перегибы в плане толерантности и терпимости, которые выразились в секс-терроре начала двадцатых – преследование гетеросексуалов, свобода секса для всех и вся, пример – кабинки для секса, которые стоят в городах с начала десятых годов, пропаганда инцеста и педофилии, регистрация браков с животными, с вещами и, самое страшное – с детьми! И прочая прочая....

– Погодите, а семья, – раздался вопрос Мари, – а как же институт семьи, который является краеугольным камнем и основой общества?

– Да не стало такого института! Развалу стран и уничтожению морали способствовали результаты работы ювенальной юстиции – институт семьи в странах Европы за полтора десятилетия был полностью уничтожен этими организациями. Поток детей, отобранных из гетеросексуальных семей и переданный в гомосексуальные превысил все разумные размеры и в конце десятых – начале двадцатых передавать стало некого! После этого, рожденные от суррогатных матерей дети практически все передавались в семьи геев и лесбиянок. Противостояние между гетеро и гомосексуалами настолько обострилось, что стали возникать вооруженные конфликты и, так как первых было гораздо меньше, они были вынуждены спрятаться в гетто!

И всё это происходило одновременно – засилие мусульманского мира и окончательное моральное разложение коренных жителей европейского континента... Вот он – результат свободы во всех её формах!

В наступившей внезапно тишине Джону показалось, что все слышат, как бьется его сердце – настолько он был возбужден и разгорячен вспыхнувшим спором.

– Мари, а откуда Вы, – вдруг раздался голос самого молодого участника беседы, если можно было так назвать то, что происходило за столом. Патрик смотрел прямо в глаза Мари, не отрывая горящего взора от её лица. Он ждал ответа. Впрочем, его ждали и остальные. Затянувшееся молчание замерло в воздухе и в наступившей гробовой тишине было слышно, как за окном качается и поскрипывает на ветру ветка. Всем казалось, что напряжение, повисшее в столовой, сейчас взорвется каким-то неожиданным и страшным образом. Три пары были устремлены на девушку, которая сидела на диване, с гордо поднятой головой и выпрямив спину. Её широко открытые глаза горели зеленым огнём, грудь вздымалась от учащенного дыхания и было видно, что она приняла вызов и сейчас, как вдруг показалось Джону, – грянет буря. Неожиданно её лицо побелело, глаза закатились, голова резко запрокинулась назад, и она напряглась всем телом, одновременно сползая с дивана на пол. Джон кинулся к ней, но его успел опередить Пол, и они уже вдвоем осторожно положили её на диван. Судорожные движения, выступившая пена на губах, неестественно выворачиваемые руки явно говорили об эпилептическом припадке.

– Держи её и постарайся повернуть голову набок, – крикнул Джон и метнулся к столу. Он схватил половник с достаточно толстой деревянной ручкой и осторожно разжав стиснутые зубы девушки, вставил его между челюстями, которые тут же впились со страшной силой в рукоятку. Сдерживаемая Полом, она почти беззвучно дергалась под его руками и лишь нечеловеческое прерывистое мычание рвалось из её полуоткрытого рта. Повязка на голове сползла и почти закрывала лицо. Длился приступ несколько минут, не более и вот она наконец успокоилась, её тело обессилено осело, и она затихла. Лицо порозовело, дыхание становилось всё спокойнее и чище, хрипы прекратились, и она уснула, отвернув голову к спинке дивана. Джон поймал, выпавший из её рта, половник с глубокими следами зубов на ручке и присел рядом с ней на пол. Пол, подождав немного, отпустил её тело и устроился неподалеку за столом.

Напряжение, царившее в комнате до этого, спало и всем стало как-то неловко за нападение на единственную представительницу слабого пола, которое привело к таким последствиям.

– Чего это мы, – пробурчал Пол, – накинулись на неё всей стаей, а мужики? Каково же ей – одной против всех. Вот она и скопытилась...

– Кто же знал, что больная, – виновато произнес Джон, – и ты прав, увлеклись.... Мы просто устали от того, что творится вокруг нас, и мы привыкли поступать и говорить так, как есть – ничего не приукрашивая, не жалея ни себя, ни других. А тут на тебе... и я не оправдываю себя, да – не сдержался, завёлся как мальчишка и понесло дурака...

– Она провоцировала нас, – услышали они голос Патрика, – да, мне тоже жаль её, но я сначала почувствовал, а потом уже и точно знал, что она пытается вывести нас из себя, чтобы услышать то, что мы думаем на самом деле.

– Ты тоже это слышал в её словах? – спросил Джон, – а я думал, что мне показалось.

– О чем вы, – произнес Пол, – я ничего такого не слышал. Она обычно так спрашивала, ведь так все женщины говорят, когда хотят чего-либо выведать у мужика. И она такая же как все.

– Так, да не так, дружище. Она необычная. Есть в ней что-то такое.... – Джон задумчиво замолчал, пытаясь сформулировать мысль, – особенное что-ли. Как говорил мой отец – «штучный товар». Женщины, они конечно все разные, но в то же время похожи, но каждая из них думает, что она одна такая на свете, однако в нашем случае, Мари – это на самом деле что-то необыкновенное.

– И что же такого в ней – необычного, – спросил Пол, еле сдерживая ухмылку.

– Ты можешь смеяться, друг мой, но я чувствую, что в ней есть какая-то сила, скрыта какая-то тайна, которая нам пока неизвестна. Но, и я на это очень надеюсь и верю, что мы её узнаем.

– Она из детей индиго, – вдруг раздался тихий голос Патрика.

Мужчины повернулись к нему и удивленно посмотрели на мальчугана.

– С чего ты взял? – почти одновременно спросили они.

– Я это знаю. Я тоже такой как она и она мне об этом сказала. Раньше я не встречал таких людей и думал, что со мной что-то не так, но потом мне случайно попалась книжка Кэролла и, прочитав её, я понял, что я не один, что есть и другие – такие же как я. А сегодня я впервые встретил такого же человека.

– Но вы же не говорили об этом! – удивленно произнес Пол.

– Мы говорим не словами, – после некоторого молчания как-то тихо, как будто стыдясь этого, сказал Патрик, – извините меня и не думайте обо мне плохо. Я не специально.

После этих слов он посмотрел на Пола и опустил голову, стараясь скрыть выступившие слезы.

Пол скрипнул стулом, вставая и снова придвинулся к окну. Он молчал и только было слышно, как в тишине скрипят его зубы, а желваки так и ходили на его лице. Все молчали и было слышно только нежное посапывание девушки, спящей в этой комнате – в комнате, где за последние час-полтора произошло столько событий!

Чтобы хоть как-то снять напряжение, Джон не придумал ничего лучшего, как усесться за стол, наложить себе еды и начать есть, специально громко чавкая при этом. Через какое-то время Пол отошел от окна, сел за стол и, ничего не говоря, последовал примеру своего друга. Сидевший напротив них мальчишка подождал немного и тоже принялся за еду. Они все ели молча, не поднимая глаз от тарелок и не глядя друг на друга. Запивая вином успевшие остыть, но по-прежнему вкусные, куски мяса, они не чокались, лишь приподнимали бокалы, показывали, что пьют за здоровье друг друга. Мужчины и мальчик ели мясо и сыр, и ветчину и пили вино и морс и мысли у всех крутились обо одном. Первым не выдержал Джон:

– Мы все думаем об том, что нам делать дальше. Теперь мы знаем всё и нам надо определиться с нашими дальнейшими действиями. Предлагаю высказаться, господа.

– А что вы знаете такого, чего не знаю я, – раздался нежный голос с дивана, – чего вы тут задумали, а девушка не в курсе...

Они повернулись на голос и увидели, что Мари полулёжа, смотрит на них своим обычным взглядом с прищуром. Здоровой рукой она подперла голову, и свисающая черная копна чудных волос переливалась в отблеске пламени. Она выглядела так хорошо и свежо, как будто и не было никакого приступа недавно, как будто и не тревожили её тело полученные раны.

– Как Вы себя чувствуете, – спросил Джон, – впрочем об этом нам может сказать Патрик, не так ли?

Мари перевела взгляд на вдруг густо покрасневшего мальчишку, улыбнулась и села на диване.

– Всё нормально, малыш. Ты ничего предосудительного не сделал, – с необыкновенной нежностью она смотрела на мальчугана, – я бы всё равно им рассказала о себе... да и о тебе тоже. Нам ведь ещё много времени предстоит быть вместе. Так к чему что-то скрывать.

– Как это – быть вместе? – удивленно спросил Патрик, – глядя на неё и по его лицу внезапно пробежала тень, – что Вы хотите этим сказать? А как же мама, папа и сестра, ведь я их не брошу!

Неожиданно Пол встал и сел рядом с мальчиком, слегка приобняв его своей огромной ручищей.

– Ты сам уже всё знаешь, – тихо сказала Мари, глядя ему прямо в глаза. От этого поединка двух пар горящих глаз, впившихся друг в друга, которые, казалось, хотели побороть другого

мужчинам стало не по себе. Внезапно Патрик отвел глаза и заплакал. Горькие соленые капли текли из его глаз и он, совсем по-детски, вытирал их кулачком, размазывая по щекам следы от страшных слез случившейся беды. Пол жалобно смотрел на него и поглаживал его плечу, пытаясь хоть как-то помочь пережить свалившееся горе, увы, пока неведомое ему и Джону, но, судя по всему, уже понятное мальчиком и принятое им как факт.

– Что случилось? – спросил Джон у Мари.

– Его семьи больше нет, – тихо выговорила она, не отводя глаз от плачущего. Джону показалось, что она как будто что-то говорит Патрику, но не словами, а мыслями. Она не шевелила губами, но Джон чувствовал, что сейчас между нею и мальчишкой идет тяжелый напряженный диалог, недоступный им – простым смертным. Она как будто убеждала его в чем-то, успокаивала его, принимала его боль на себя и одновременно вселяла в него силы, которые покинули его после страшного известия.

Патрик всё тише и тише плакал, его дыхание становилось всё спокойнее и спокойнее. Вот он всхлипнул последний раз и вдруг припал к плечу Пола и засопел. Он спал.

Пол легко, как пушинку, поднял и перенес на диван, с которого встала Мари, уступив место. Уложив его на диван, Пол накинул на него свою куртку, подоткнул её со всех сторон и повернувшись к ним, сказал:

– Вы это... того. Не шумите, пусть поспит мальчуган.

Он сел за стол и, подперев голову рукой, задумался.

– Мари, расскажите нам что произошло, – попросил Джон.

– Его семья погибла вчера ночью. Их выследили дикие собаки и растерзали. Всех. Отец пытался защитить своих любимых женщин, но у него не было сил сражаться с целой стаей. Произошло это сразу, как только Патрик пошел сюда за едой.

– Почему он этого не знал или не почувствовал? Он нам рассказал о Вас и себе. Ведь он должен был каким-то образом это узнать.

– Он ещё мал, чтобы суметь чётко осознать происходящее. Тем более, что это связано с его родными. Я смогу ему помочь и научу его многому – у нас будет время для общения. Кстати, Пол, – он Вас любит и хочет быть таким как Вы. Он видит в Вас старшего брата, о котором всегда мечтал и тут появились Вы. В Ваших силах сделать для него всё, что считаете нужным. Главное – не бросайте его. Пожалуйста.

Пол сидел молча и лишь поболевшие костяшки кулака показывали, как он напряжён. Потом он встал, подошёл к дивану, еще раз заботливо укрыл мальчишку и повернувшись к ним произнес:

– Последите за ним, а я скоро вернусь.

– Ты куда, Пол? – спросил его Джон.

– Пойду, разберусь с собаками. Он по подземному ходу могут прийти сюда и тогда нам будет не сладко. Ты сам знаешь, что лучше нанести превентивный удар.

– Тебе помочь?

– Будь здесь и готовьтесь к выходу, засиделись мы здесь. Надеюсь, ты согласен?

– Мари ещё слаба, да и Патрику не мешало бы набраться сил. Давай уйдем завтра с утра, – предложил Джон.

– Я согласна с ним, Пол, – поддержала его Мари, – до завтра нам здесь ничего не угрожает, это точно.

Пол обвёл их взглядом и кивнув, вышел из столовой.

– Возьми в погребе, под нижней полкой, связку гранат, – крикнула Мари вслед уходящему.

Они остались одни, если не считать спящего глубоким сном мальчишки....

Джон видел, что девушка ждёт его вопросов и готова к серьёзному разговору, но он медлил – ведь ему было так хорошо сидеть рядом с ней, смотреть на неё, слушать её голос, и ему

очень не хотелось именно сейчас начинать этот разговор. Но, вместе с тем, он понимал, что пришло время выяснить истину и он почему-то знал, что они оба готовы к этому.

Джон пристально посмотрел в глаза Мари и спросил:

– Мари, что Вы здесь делаете? Какие грузы доставляете на территорию моей родины? И вообще – в чем состоит цель пребывания ваших людей здесь, в центре Европы, ведь Россия уже более 10 лет, как закрылась от того кошмара, который творится здесь, и вот я встречаю здесь Вас, – что вы хотите здесь сделать? – Джон волновался, предчувствуя напряжение будущего разговора и поэтому, как ему показалось, это были не совсем те вопросы, которые он хотел озвучить Мари.

– Вы узнали, что я русская, когда была без сознания, – не спросила, а, скорее всего, утвердительно произнесла девушка, так же смело отвечая на взгляд Джона своими чудными зелеными глазами, – да, я из России. И здесь я выполняю задание своей Родины. Какое – возможно и скажу, если увижу, что Вы заслуживаете это знать. Какие грузы... отвечу просто, милый Джон, назовем это одним словом: материалы. Годится ответ? – она хитро улыбнулась и, уже серьёзно, продолжила, – Да, мы изолировали себя от вашей вседозволенности, вашего бесхребетного потакания всем и вся. Да, мы отгородились от вас много лет назад с единственной целью – не допустить такого же развала и упадка, который поглотил вас полностью и привел к тому, что вы сейчас имеете. Нас несколько стран, сумевших сохранить не только свою культуру, привычный уклад жизни и веру, но и жизненные ценности, понятие семьи в её изначальном виде и понятие Родины, которая дорога каждому из нас и за которую мы готовы бороться, не щадя себя. Мы не фанатики, но патриоты и более ценного, чем Россия мы себе не представляем! Мы увидели, как вы теряли свои земли, свои родные края, где могилы ваших предков, где вы когда-то жили, любили, нянчили детей и коротали свой век, когда солнце жизни клонилось к горизонту. Мы увидели, как вы, в угоду своим политикам и дяде Сэму из-за океана, безропотно отдали свои страны на растерзание пришлых и чуждых вам народов, как вы молчали, когда ваших детей насиловали ваши же сограждане-извращенцы, как, в угоду так называемой толерантности, вы сами себя лишили веры в Господа, жизненных и семейных ценностей, самой любви и самой жизни, в конце концов!

Мари замолчала, продолжая смотреть прямо в глаза Джону. А он не выдержал и опустил глаза – уж слишком тяжело и стыдно было ему слышать эти слова, тем более, что в них не было ни капли лжи, а только горькая правда. И от этого ему становилось ещё больше...

– А что вы сделали с другими странами? Эти, так называемые цветные революции, которые, с вашего молчаливого согласия, Пиндостан (США) проводил на протяжении многих десятилетий в десятках стран – что им принесла эта ваша хваленая «демократия», в кавычках, а? Уничтожение государственности, нищету, войну, голод и смерть! А вы, великие западные державы – тьфу, вели себя, как та мартышка из трех фигур – «не вижу, не слышу, не скажу». Вы потакали этим «ястребам», которые нагло навязывали вам свою волю, просто попирая ваши же, таким трудом добытые свободы и достижения, и сделав из ваших политиков, да и из вас самих, – простых марионеток. Вы извратили сам смысл ООН, – той самой организации, которая была призвана бороться за улучшение жизни людей, а на деле что? Вы же помните ситуацию на выборах президента: в 2020 году произошел громкий мировой скандал в Белоруссии, где проходила очередная цветная революция и там были пойманы неизвестные снайперы, оказавшиеся сотрудниками спецслужбы США, и которые дали признательные показания и рассказали обо всех странах, где они открывали стрельбу при проведении революций, тем самым провоцируя эскалацию конфликтов. И что их руководство, которое отдавало приказы и направляло их, – являлось АНБ. И каким же образом пыталось защитить свою, национальную безопасность это агентство там, в дружественной нам стране и находящейся, как говорится – у нас за забором? В связи с этим скандалом, как следствие, были предъявлены

обвинения ООН со стороны России и Китая в бездействии, попустительстве и полной подчиненности США, и их союзникам.

Мы также напомнили ООН о её полном бездействии, когда после опять же цветной революции, имел место жуткий геноцид в Руанде в 1994 г., где было уничтожено более 1 млн. человек! И о том, что оттуда были выведены миротворческие силы, хотя тем количеством военных, которые там находилось вполне можно избежать всех этих страшных последствий.

В результате скандала со снайперами в Белоруссии, было принято решение о реформировании ООН, полной смене руководства и переноса её штаб-квартиры в Европу, и за этим последовал выход Пиндостана из этой организации. Что тем самым попытались продемонстрировать всему миру США? Что они выше всех законов, установленных практически всеми странами мира, заметь Джон, практически всеми (!) – и им наплевать на всё и всех, ну во всяком случае им тогда так казалось.

Мари замолчала. Молчал и Джон. Они не смотрели друг на друга, но каждый из них чувствовал другого. В комнате повисла тишина и только, едва слышимое, дыхание спящего мальчишки нарушало её.

Неожиданно Джон ощутил на себе теплую ладонь девушки, которая нежно коснулась его волос, погладила его и потом, слегка приобняв, притянула его к себе. Она положила его голову себе на плечо и, обхватив руками за плечи, они замерли. Джон боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть то теплое и нежное чувство, которое поднималось в его душе, ему стало так спокойно, легко и очень-очень уютно, как бывало только в детстве, когда мама также прижимала его к себе. Он осторожно обнял девушку одной рукой за талию и почувствовал едва уловимое движение её стройного тела навстречу его руке. Она опустила свою ладонь вниз и их пальцы переплелись. Они сидели в объятиях, наслаждаясь друг другом и ничто не мешало им быть в этот момент единственными в мире. Джон решился и, аккуратно взяв девушку на руки, и вышел из столовой, стараясь не идти бесшумно, чтобы не разбудить Патрика.

Они оказались в спальне, и Джон нежно положил свою бесценную ношу на кровать и сам прилег рядом. Глядя друг другу в глаза, они увидели, как в них бьётся живой огонь любви и страсти, как в них сверкает огромное желание быть любимыми и дарить любовь!

Наклонившись, он приблизил свои губы к ней, и они сомкнулись в поцелуе.... Страстное горячее дыхание девушки буквально обожгло его, её руки обхватили его голову и, прижимая его к себе всё сильнее и сильнее, она отдалась ласкам любви! Не отрываясь от её губ, Джон нащупал пуговицы на её брюках, расстегнул их и стал осторожно их снимать, но вот он почувствовал, как Мари своими ножками сдернула их одним движением вниз и вот уже её руки помогли ему оказаться без брюк. Им удалось, практически не отрываясь от поцелуя, остаться без одежды в этом временном пристанище их начавшейся любви. Их тела сплелись воедино, они ласкали друг друга так неистово, как будто это был их последний день на земле, они наслаждались телом любимого и оба одновременно улетали в космос по много раз – казалось, что время остановилось, и в целом мире они были только вдвоем! Движения Мари осложняли раны, и Джон старался быть аккуратным, но иногда в пылу страсти он забывался и только сдерживаемые стоны девушки останавливали его в невозможном желании соединиться с ней ещё сильнее.

Прошло время, вернее оно пролетело, как им показалось, как доля секунды, как миг – сладкий, волшебный и глубоко чувственный, миг счастья, достающий до самых скрытых уголков души...

Они лежали рядом, откинувшись на подушки, их пальцы сплелись воедино, продолжая передавать ощущение нежной близости от одного разгоряченного тела к другому. И он, и она лежали с закрытыми глазами, продолжая испытывать необыкновенную ласку к любимому человеку....

Во всяком случае именно это испытывал Джон. И ему казалось, что и Мари ощущает тоже самое. Он продолжал сжимать ее нежную ладонь с своей, одновременно поглаживая большим пальцем шелковую кожу её руки. Он услышал её вздох, она выпростала свою руку и села на кровати. Повернув голову к ней, он открыл глаза и встретился с ней взглядом. Как только она увидела его взор, она тут же отвела свои глаза, но Джон успел заметить, как блеснули её глаза, он успел заметить в этих чудных зеленых очах, как ему показалось, вспыхнувшее к нему чувство...

– Вставай, бездельник – шутливо произнесла она, – помоги застегнуть то, от чего ты так лихо меня избавил. Снять-то снял, а одевать кто будет?

Она повернулась к нему спиной, одной рукой доставая майку цвета хаки из-под одеяла. Даже при слабом свете, который проникал в комнату из-под двери, ему было видно, как прекрасна её нежная стройная шея, как красива её тонкая спина, как чудно изгибается её стан, переходя из стройной талии в широкие бедра.

– Даже гель на поломанных ребрах выдержал, – то ли с усмешкой, то ли с веселым упреком, – сказала Мари и, вскинув над головой здоровую руку, стала осторожно продевать в рукав футболки раненую. Джон быстро приподнялся, взял майку и помог ее надеть. Потом он достал с пола остальную одежду и подал ей, одновременно придерживая на своих бедрах одеяло. Сев рядом с ней на краю кровати, он смотрел на нее и не мог оторвать глаз от её красивых волос, от её высоко поднятой головы, от её вздымающейся, под тонкой тканью, груди. Мари, в это время поправлявшая волосы, почувствовав её взгляд, повернулась к нему и посмотрела ему в глаза. Она смотрела спокойно, казалось бы, даже чересчур, и старалась всем своим видом как будто отрицать то, что произошло между ними только что.

– Я очень бы хотела надеяться на то, что произошедшее между нами так и останется только между нами, – ровным, ничего не выражающим голосом, произнесла она, продолжая сверлить его взглядом. Её большие зеленые глаза уже не сверкали, в них появилась присутствующая ей спокойствие, требовательность и уверенность. – Мне это было необходимо, так как это серьезно поможет моему выздоровлению. Завтра мы можем тронуться в путь.

Она проговорила это совершенно безапелляционно и даже где-то требовательно, как бы давая понять Джону, что это была всего лишь просто забота о здоровье.

Он смотрел в пол уже после первых её фраз и в его душе зрела злость. Он не ожидал от неё таких слов, ему всё ещё хотелось обнять её и приласкать, но эти жёсткие слова были подобны ведру холодной воды, вылитому на него. Еле сдерживаемое им раздражение уже было готово выплеснуться в виде потока бранных слов, как вдруг он услышал, во всяком случае ему так показалось, едва различимый шёпот: «не верь ей, она любит тебя» ... Он поднял голову и посмотрел на неё. Её губы были плотно сжаты, взгляд суров, и она сидела выпрямившись, ожидая от него ответа. Джон встал, оделся и ни слова не говоря вышел из комнаты. На кухне он увидел, что Патрик уже не спит и, сидя на диване, встречает его взглядом, в котором сквозило сочувствие. Казалось, что он говорит Джону глазами – «всё будет хорошо, не огорчайся». Сев за стол, Джон налил себе вина и отрезал кусок сыра. Затем неторопливо выпил полный бокал этого вкусного домашнего напитка, потом откусил маленький кусочек и стал неторопливо его жевать, оставаясь в мыслях о произошедшем в комнате, продолжая недоумевать о такой резкой смене её настроения.

– Как ты себя чувствуешь, – спросил он Патрика.

– Нормально, только есть очень хочу.

– Придвигайся ближе и накладывай что хочешь, дружище, – Джон ласково потрепал подошедшего парня по плечу.

Они наложили себе еды и стали уминать за обе щеки. Ели они молча, изредка отрываясь, чтобы выпить. Послышались шаги в коридоре, казалось бы, нарочито громкие, шедший как бы

старался предупредить о своем приближении. Дверь открылась и вошла Мари. Она успела сделать привести волосы в порядок и умыться и выглядела отдохнувшей и свежей.

– Ну что пацан, выпался? Завтра выступаем, ты готов в дорогу? – прямо с порога весело спросила она Патрика. Но её шутливый тон не вязался с её глазами, которые смотрели на мальчишку как-то осуждающе что-ли, как будто ругая его. Тот сидел, не глядя на девушку, и продолжал есть, как будто не слыша её вопроса. Лишь едва заметный его кивок послужил ей ответом.

– Ну и славно, – подходя к столу и оглядывая его, заключила она. Взяв посуду, она наложила себе мяса, налила вина и приступила к еде.

Джон допил из бокала, встал из-за стола и сел на диван так, чтобы можно было видеть лицо Мари. Он всё ещё не мог окончательно успокоиться и ему очень хотелось каким-то образом прояснить создавшуюся ситуацию. Но он понимал, что сейчас у него это не получится и решил отложить это до удобного момента. Приняв это решение, он заставил себя переключиться на мысли о другом. А именно – «где Пол»? ведь прошло уже несколько часов, а от него ни слуху, ни духу. Уже вечерело, а его всё не было.

– Я пойду поищу Пола, – произнес он, вставая с дивана и направляясь к двери. Взявшись за ручку, он резко повернулся и глядя в упор на Мари, сказал, – ты справишься здесь если что?

– Ага, – продолжая есть, не отрывая глаз от тарелки, ответила девушка.

– Всё будет хорошо, Джон, найди его, пожалуйста, – слова, сказанные Патриком, были не менее убедительны чем его глаза.

Джон прошел по коридору, спустился в подвал и открыв потайную дверь, скрылся за ней. Войдя в низкий сводчатый проход, он включил «ночник» (прибор ночного видения) и стал продвигаться вперед, стараясь идти как можно тише. Коридор изгибался то вправо, то влево, иногда в углублениях в стенах, что-то наподобие ниш, стояли какие-то длинные ящики, они были разные по размеру и по цвету, но все были старые и покрытые паутиной. Пройдя примерно около пары сотен метров, Джон услышал вдалеке какой-то шум и ускорил шаг. Ещё через какое-то время раздался звук выстрела, и, судя по всему, это было совсем недалеко. Он побежал и за очередным поворотом он внезапно увидел следующую картину: посреди небольшого зала, с потолком, уходящим куда-то ввысь, как скала стоял Пол на небольшом столе, а вокруг него носились по кругу около десятка псов разной масти и разных размеров. Тут были и маленькие визгливые шавки, крутящиеся между лапами своих огромных сородичей, которые не бегали по кругу, а слегка присев на передние лапы тихо рычали и скалили страшные пасти в зверином оскале, пытаясь напасть на человека, и средние, какие-то то ли кудрявые, то ли в свалявшейся шерсти псы, носившиеся друг за другом и создававшие ощущение большого количества голодных животных. Глядя на эту смертельную карусель, создавалось впечатление, что все эти псы действовали по четкому плану, имели определенную тактику нападения и, казалось, что каждый из них хорошо знает, как себя вести и что делать, чтобы добиться победы в схватке. Штук пять-семь псов уже валялись бездыханными вокруг стола, но это совершенно не останавливало нападавших. Пол, стоя на возвышении, не двигался, а лишь внимательно смотрел за носящимися собаками, стараясь успеть предупредить первый бросок, который и служил сигналом к общему нападению. Скорее всего, псы готовились к атаке с нескольких сторон, постепенно сужая круг возле своей жертвы. Джон быстро осмотрелся, и заметив сзади большого ящика в одной из ниш, быстро подтащил его ко входу в зал, перегородил им проход так, чтобы ни одна из псин не смогла забежать ему за спину и едва он запрыгнуть на него, как одна из мелких собачонок, заметив его тут же с визгом кинулась в его сторону. «Эта мелочь что-то вроде разведчиков» – подумал Джон и приготовился к схватке. Увидев новую цель, карусель на мгновение замерла и люди увидели, что все животные посмотрели на одного, не самого большого, а скорее даже среднего размера, пса, который не участвовал в беге, а стоял неподалеку, стараясь оставаться незамеченным и пытаясь находиться за спиной

Пола. Тот молча посмотрел прямо в глаза Джону, потом тихо прорычал и карусель возобновилась с прежней силой, но уже в слегка поредевшем составе. Два здоровенных пса устремились к ящику, на котором стоял Джон, но не стали нападать, а лишь, рыча и скалясь, заняли выжидательную позицию, целью которой было явно не дать помочь тому человеку, кто был в центре зала. Мелкая собака, обнаружившая его, продолжала скакать возле ящика, повизгивая и стараясь прыгнуть так, чтобы укусить за ногу. «Ну что же, вы хитрые, но и мы не лыком шиты», подумал Джон, выхватил пистолет и несколькими выстрелами уложил двух псов, которые наиболее близко подобрались к столу, на котором продолжал обороняться Пол. Почти одновременно с этим раздался и выстрелы Пола, которые тоже сократили количество собак на несколько голов. Вожак явно не ожидал такого поворота дел и громко залаял. Видимо это был сигнал к атаке, потому что все окружающие псы, и самые мелкие и большие, со всех сторон мгновенно бросились на стол, стараясь прыгнуть как можно выше и явно нацеливаясь на определенное место на человеческом теле. Но того, что произошло дальше, они явно не ожидали! В тот самый момент, когда их клыки должны были сомкнуться на теле жертвы, Пол прыгнул высоко вверх и в сторону, делая кульбит, и оказался совсем рядом с ящиком, на котором стоял Джон. Моментально вскочив на ящик, он бросил гранату прямо в центр образовавшегося собачьего клубка и, увлекая Джона за собой, рухнул за стену. Раздался сильный взрыв, после которого у людей заложило уши, но всё равно они смогли услышать дикие визги, лай и почти человеческие стоны. Поднявшись из пыли, они заглянули за угол и увидели страшную картину: повсюду валялись куски собачьих тел, несколько псов были целы, но жутко изранены и скулили, пытаясь подняться. Развороченные туши с разорванными животами и выпадающими оттуда кишками, оторванные псинные головы, кровь стекающая со стен зала и кровь... кровь была повсюду... – всё это было каким-то нереальным и невозможным. Они вошли в зал и несколькими выстрелами добили мучающихся животных. Они, не сговариваясь, подошли к вожаку, который лежал неподалеку, придавленный здоровенным псом без головы и, не скуля, смотрел им в глаза. Он тяжело дышал, но не издавал ни единого звука, хотя было видно, как ему больно. В его глазах не было ненависти, не было мольбы о пощаде, нет – в них было понимание своего поражения и их победы. И он, глядя на них, как бы говорил: «вы победили, это ваш день, по крайней мере – это честно».

Пёс

Они молча стояли, глядя на этого умного пса, а потом Пол приподнял безголовую тушу, и Джон вытащил жока наружу. Присев на корточки, они осмотрели его, переворачивая его с бока на бок. Видимых повреждений не было, возможно только повредились внутренности. Джон достал сканер и провел вдоль всего тела животного. Так и было – у него оказались сдавленной печень и сильный ушиб задней части тела.

– Ты думаешь о том же, что и я? – спросил Пол, продолжая смотреть на лежащего пса.

– Да. Но это нас задержит ещё на пару дней.

Пес, как будто услышав эти слова, стал приподниматься, пытаясь встать. Мужчины молча наблюдали за этим. Два мужика смотрели как третий пытался доказать свое право на жизнь – на жизнь с ними, на ту жизнь, для которой и был создан, но лишь только по случаю стал врагом людей. Но он стал врагом не по своей воле, а по нужде. И вот теперь он хотел вернуться к человеку....

Он встал и, шатаясь, понуро опустив голову, еле-еле подковылял к ним, приподнял глаза и лизнул руку сначала Джону, а потом и Полу. Затем он тяжело вздохнул и завалился на бок – силы его покинули, но он сделал то, что хотел и теперь, лежа и тяжело дыша, ждал решения своей судьбы. Пол наклонился, поднял его и, перешагнув ящик, двинулся в сторону дома. Джон шел следом, на всякий случай прикрывая его сзади. Они пришли домой и Джон, открыв потайную дверь, помог Полу протиснуться внутрь. Он пронес пса в кухню и Джон, слегка опередив его, успел убрать со стола возле мойки грязную посуду и помог положить собаку.

Мари и Патрик уже были рядом и смотрели то на вернувшихся, то на лежащего пса. Глаза мальчишки горели ненавистью, и он явно сдерживался, чтобы не закричать на них.

– Это жизнь, малыш, поверь – он нам ещё пригодится. Да и не факт, что это именно та стая, которая лишила тебя семьи, – произнесла Мари, прижав мальчика к себе и поглаживая здоровой рукой по плечу, – ты поплачь, поплачь, тебе полегчает. Но этого пса не вини, это не его выбор. Это мы сделали его таким. Нам самим надо с себя спросить за всё, что происходит вокруг. А тебе он станет лучшим другом.

При этих словах пес повернул голову и посмотрел на Патрика, потом чуть вытянул шею и несколько раз коснулся своим длинным шершавым языком руки мальчишки. Всем показалось, что он просит прощения у него за содеянное... Патрик стоял как вкопанный, потом повернулся и кинулся с громким плачем на диван. Он уткнулся головой в подушку и рыдал навзрыд, его плечи сотрясали приступы горя, а тело содрогалось от невосполнимой потери. Мари подошла к нему и, присев рядом, молча гладила его по спине.

Джон отвернулся и стал доставать лекарства. Сделав раствор, он ввел собаке, потом засунул ей под язык обезболивающее и перевязав заднюю часть туловища, дал напиться и принес немного мяса. Пес жадно похлебал воды, а потом неторопливо, как будто понимая, что нельзя торопиться – стал есть мясо, осторожно беря его небольшими кусками.

– Ну и как мы его назовем? – спросил Пол, помыв руки и устраиваясь за столом. Он осмотрел стол и накидав себе в тарелку еды, принялся за обед.

– Не знаю, пусть Патрик решает, – ответил Джон, присаживаясь рядом и потягивая из бокала вино.

– Ну ладно, пусть так. А я на боковую, что-то устал я сегодня. Сможешь подежурить первым? – произнес Пол с набитым ртом.

– Да, дружище, отдыхай, – ответил Джон и вышел из кухни. Он спустился в погреб, хорошо закрыл тайную дверь и придвинул тяжеленный сундук к ней, уперев в другой бок полено, то есть сделав распорку, которая не давала возможность отодвинуть груз от двери. Затем он обошел все комнаты во всем доме, проверив всё ещё раз на предмет безопасности.

Вернувшись на кухню, он увидел, что вся еда убрана, посуда помыта, всюду был порядок, и никого из его попутчиков тут не было. Он нашел Мари и мальчика в спальне, они лежали на кровати, укрывшись одеялами. На полу возле стены, уже вовсю храпел Пол, а пес лежал на заботливо положенной подстилке, рядом с кроватью со стороны Патрика, и возле него стояла миска с водой. Джон на цыпочках вышел из комнаты и, устроившись на кухне, налил себе чаю. Он еще раз решил пересмотреть скопившиеся у него 3D-сканы. На это занятие у него ушло порядка часа, но особое внимание он уделил сканам вагонов, уходящих под пролив, которые он сделал на берегу Франции, рядом с Кале. Что-то не давало ему покоя, когда он раз за разом смотрел на едва видимые очертания чего-то громоздкого внутри ж/д состава.

Оставив это дело, он ещё раз прошелся по помещениям и в одном из больших залов, возле камина, он увидел фотографии, висящие на стене. Подойдя ближе, Джон стал их разглядывать. На них были изображены счастливые и довольные жизнью люди, скорее всего члены одной семьи, которые жили здесь когда-то. Вот они возле новогодней ёлки, а на заднем фоне горит именно этот камин, вот они на качелях во дворе и вокруг костра, на котором жарят барбекю. Вот, судя по всему, отец семейства с большой жирной рыбой, килограмм на 15, на руках, гордо поднял её на уровень груди, а сзади выглядывает смеющийся мальчишка, скорее всего сын, который держит в руках спиннинг. А вот они все вместе, человек 10—12, расположились в два ряда, взрослые сидят в переднем, а те, кто помоложе – стоят сзади. Все такие серьезные, но видно, что еще сдерживают смех. Видимо решили изобразить те фото, которые делались в начале двадцатого века. «Ведь не лень было им этим заниматься – печатать фото, вешать их в определенном порядке. Ведь тогда возможность сфотографировать была у каждого и, как правило, все эти сложности с бумажными фото ушли в прошлое. Ан нет – вот же семья, которая именно этим и занималась. Ведь они берегли память о себе, о своем роде, о своем доме, вот зачем эти фотографии в рамках» – ответил он сам себе. Глядя на эти милые улыбающиеся лица, он поймал себя на том, что он перешел от просто разглядываний чужих людей к воспоминаниям о своём доме, о родителях, о том, как жила его семья. Ведь они также собирались и у ёлки, и у костра и также с отцом он ходил на рыбалку и также радовался улову. Точно также шумели деревья на ветру и ветер трепал огонь на берегу реки, где они провожали солнце и встречали рассвет. Также дымка стелилась над водой, и ночная прохлада обнимала за плечи. Также пели песни и смеялись, и шутили...

Увы, всё прошло и исчезло и ничего этого у него нет, как и у этих людей... да и их самих уже нет. Ему стало грустно, он повернулся и пошел к выходу, отгоняя от себя тяжкие воспоминания. Незаметно для него прошло время и вот уже небо посерело за окном, стало быть скоро утро. Джон тихо вошел в спальню и увидел, как пес приподнял голову, убедился, что это свои и моментально заснул. Джон едва коснулся плеча Пола, как тот открыл глаза и молча кивнул, показывая, что он проснулся. Они поменялись местами, и Джон тут же как будто провалился куда-то – настолько быстро он заснул. Снилось ему Мари. Он гулял с ней во сне по берегу моря, дул теплый мягкий ветерок, который трепал её волосы и приподнимал красивую белую юбку, которую она слегка придерживала одной рукой, а второй, прикрыв глаза сверху, смотрела куда-то вдаль, устремившись всем телом немного вперед и приподнявшись на носки. Её левая ножка была отставлена слегка назад и её стройное девичье тело как будто парило над мостовой. А он стоял чуть поодаль и любовался ею, охватывая её всю взглядом сквозь темные очки. Он чувствовал, что она знает это и наслаждается этим. Им обоим было так легко и весело, так радостно и душевно, что и слов им было не нужно – настолько они понимали друг друга без слов! И это продолжалось очень долго и одновременно с этим очень быстро....

Джон проснулся сам. Никого в комнате не было, постель была аккуратно застелена и даже подстилка свернута и лежала в ногах на кровати. Поднявшись, он сходил в ванную и придя

на кухню увидел всю честную компанию в сборе. Они сидели вокруг стола и играли в карты, за столом стоял веселый шум. Пес лежал тут же, возле ног Патрика.

– Всем привет, люди, – поздоровался Джон, – что на завтрак?

– Ну ты, брат, и силен спать-то, – продолжая подбрасывать карты бьющемуся Патрику, с улыбкой ответил Пол, – уже обед. Так что, тебя просим к столу, а мы уже откушали.

Мари встала и подойдя к Джону произнесла ласково, улыбаясь ему – с добрым утром, а вернее – доброго дня, соня, садись за стол, я сейчас накрою.

Удивленный опять случившейся перемене, он присел. Пес, лежащий чуть дальше, посмотрел на него не поднимая головы, и несколько раз вильнул хвостом в знак приветствия.

Получив большую тарелку с вкусно пахнущими мясом и картошкой, Джон принялся уминать за обе щеки.

– Как себя чувствуют наши болезные? – с набитым ртом поинтересовался он.

– Я готов к походу, – быстрее всех крикнул Патрик, одновременно шутливо поднимая руку.

– Ну ты-то может быть и готов, а вот твой друг вряд ли, – задумчиво произнес Пол, продолжая смотреть в карты и недовольно хмуря лоб.

– Патрик, перестань жульничать, это нечестно, – вдруг засмеялась Мари и шутя хлопнула его по рукам своими картами, – я же всё вижу!

– Ах, вот оно что, он шулер оказывается, – с напускной суровостью сказал Пол, – вот я его сейчас взгрею!

– Неправда ваша, тётенька, – также шутливо, якобы с обидой, сказал Патрик и рассмеялся, – всё-всё, больше не буду!

Пес, лежащий у его ног, негромко то ли гавкнул, то ли буркнул и вильнул хвостом.

– И ты туда же? – вскричал мальчишка, – сказал же не буду больше!

И он ласково потрепал пса по холке. Тот лизнул его руку в ответ и продолжил наблюдать за происходящим.

Смотря на игроков, Джон вдруг почувствовал, как стали ему близки эти люди, как он любит их и даже этого пса, который ещё вчера отдавал своей стае приказы убить их. Как будто почувствовав его мысли, на него почти одновременно посмотрели и девушка, и Патрик, который при этом не преминул подмигнуть.

– Мари, ты сможешь идти? – произнес Джон.

– Да, я вполне готова к путешествию, нам надо только согласовать маршрут.

– Погодите, а как же Малой – он же не сможет идти! – нагибаясь к собаке, сказал Пол.

– То есть вы его уже назвали, да? – спросил Джон.

– Ну да, нам всем понравилось это имя и, судя по всему, ему тоже, – ответил за всех Патрик.

– Ну Малой, так Малой, а вот идти он сможет? – продолжил свои вопросы Джон.

Как будто отвечая ему, пес вскочил со своего места, резво вскочил на диван и прыгнул куда-то высоко вверх, схватил что-то зубами в воздухе и приземлился опять же на мягкий диван. Подойдя к Джону, он аккуратно разжал клыки и ему в руку упал искусственный жук-разведчик. Увидев ЧТО поймал пес, все замерли. Джон положил его на стол и стал рассматривать – перед ним лежал добротно сделанный в мастерских гетто малый летательный аппарат с видеокамерой и сканером. Размером он был примерно с пуговицу, но летал совершенно бесшумно, и им было непонятно – как смог пес услышать его. Вскрыв его, Джон вынул миникамеру и, подсоединив к своему сканеру, скачал всю запись. Потом потушив свет, вывел запись на стену, и они увидели самих себя, только со стороны, как будто незримый оператор снимал их с разных точек. Начиналась запись всего 10—15 секунд назад, то есть Малой успел вовремя заметить шпиона и поймать его.

– Тааааак, – протянул Пол, – а вот и мотивация всем нам быстрее валить отсюда. Видать засиделись мы здесь, кому это стало очень интересно. Джон, ты вовремя поставил глушилку, теперь они смогут посмотреть только запись. Итак, совет стаи, друзья мои, да Джон?

– Да, Пол. Раз мы все готовы идти, то нас здесь больше ничего не держит, а движение – это жизнь, особенно в наше время. Предлагаю следующее: выходим в ночь тайным ходом, здесь же оставим приманку – пусть думают, что мы ещё здесь. Для этого я почию этого робота, мы запишем сами себя и пустим запись по кругу – пока поймут, что нас нет много времени пройдет. Для этого ведите себя естественно, также как когда я пришел. Но сначала предлагаю согласовать маршрут движения. Чтобы потом не поднимать этот вопрос, а решить его раз и навсегда. Согласны?

– Давай, Джон, излагай, – подтвердил его слова Пол. Остальные молча кивнули.

Честно говоря, Джон был удивлен такой реакцией Мари, потому что за эти дни спорила она с ним достаточно часто и часто же брала вверх.

– Ок, значит так, выходим, как я уже сказал ранее – в ночь, около трех. До этого дежури я и Пол, все остальные набираются сил. Идем на восток не вплотную к горам, но и не к городам тоже. Двигаемся, в основном, вблизи ферм, избегая возможных встреч с кем-либо – то ли с людьми, то ли с животными. Основной маршрут: Брюссель – Берлин – Варшава – Минск. Но, это не догма – это план, а любой план может подлежать изменению, если в этом есть необходимость. Теперь насчет питания. Раньше мы шли с Полом вдвоем и нам хватало того, что мы запасли и находили по пути. Мы не сильно привередливы, можем питаться и крысами, если что. А теперь нас много, поэтому основным источником питания будет пища с ферм и полей. Да, нам придется брать еду у фермеров, и далеко не всегда они будут её отдавать по-хорошему. Готовьтесь к этому. Но это крайний вариант, самый лучший – это охота. Тем более, что сейчас у нас есть пес, способности которого мы ещё до конца не знаем. Здесь берем всё, что можно. Основная часть груза у меня и у Пола, ваша задача – дойти. Боевое охранение – я и Пол. Разведка – Малой, я думаю, что он поймет задачу. Мари и Патрик в центре группы. Ночлег – в покинутых домах, на деревьях в лесу или в пещерах. А сейчас – Пол занимается подготовкой провизии к дороге, оставляя всё внизу, в погребе, чтобы не светить это всё здесь. Мари и Патрик – готовите походный запас: спички, фляги, вода и так далее, Малой на охране. Примерно на всё про всё у вас есть полчаса, потом я запущу шпиона. Об этом предупрежу отдельно. Это всё. Вопросы есть? Вопросов нет.

Джон уже было повернулся, чтобы заняться летающим шпионом, но тут раздался голос Мари. «Я так и знал – сейчас начнется» – успел подумать он и услышал:

– Я коротко. Прошу включить меня в ночные дежурства, а через два дня и в боевое охранение, к этому времени я уже буду полностью боеспособна.

– Ладно, с завтрашней ночи – ты в дежурстве, а там посмотрим, – ответил Джон и подумал: «то ли она играет так, то ли на самом деле приняла правила игры».

Закончив общаться с друзьями, а иначе он уже их и не называл, Джон вернулся к аппарату и стал заниматься его ремонтом. Остальные члены группы разошлись выполнять задания. Увидев, как пес обошел кухню по периметру и вышел в дверь, Джон подумал: «неужели он всё понял и пошел на охрану. Надо будет проверить». Он закончил с ремонтом шпиона раньше, чем планировал и пошел за собакой, которую и нашел в одной из дальних комнат. Пес также обходил комнаты по периметру, приносясь и глядя то вверх на потолок, то на стены. Джон не мешал ему, ступая сзади за псом. Так они обошли оставшиеся помещения и вернулись на кухню. Там уже были все остальные. Выставив время на летающем роботе, Джон запустил его, перед этим выставив программу на автоматическое включение на утро. Команда на возвращение была задана неизвестным хозяином на шесть утра, то есть минимум три-четыре часа форы у них точно было. Оставшееся время до отхода они провели, играя в карты, смеясь, шутя и рассказывая разные истории. Они помнили о том, что находятся в поле зрения шпиона,

но временами им казалось, что так хорошо было, есть и будет.... Время пролетело незаметно и первым на дежурство отправился Пол, остальные же, под всевидящим оком электронного жука, отправились спать. Ночь прошла без происшествий и, сменивший друга Джон, около трех ночи выключил его и стал поднимать спящих. Сборы были недолгие. И вот они уже все вместе стоят в погребе, с рюкзаками на плечах, в полной готовности к выходу. И если взрослые были спокойны и собраны, то на глазах Патрика блестели слёзы – ведь он уходил из родного дома и уходил навсегда....

Пятеро

Ночь встретила их звездами и предутренним холодком. Молодой месяц сиял в небе серпом, как будто призывая показать ему медный грош на счастье. Легкий ветерок шелестел листвою на деревьях и просыпающиеся тонкие птички трели возвещали о скором приходе дня.

Путники вышли из подземного хода и, остановившись под деревом, огляделись. Пёс принюхался, подняв голову вверх. Потом посмотрел на Джона, как бы ожидая приказа.

– Мы идем на Лилль, через Арк и Азбрук, в обход этих городков. Исходя из сложившейся ситуации, то мы дня за четыре-пять осилим эти расстояния. Мы же ведь не будем стараться побить рекорд моего земляка, который в конце прошлого века прошёл за сутки 98 км, – Джон улыбнулся, стараясь поддержать своих друзей.

– Я могу идти в одном темпе с вами, я здоров! – заносчиво почти выкрикнул Патрик, глядя с вызовом в глаза Джону.

– Малыш, он сейчас говорит не о тебе, а о моем здоровье, – мягко произнесла Мари и посмотрела на Джона. И он увидел в её чудных зеленых глазах смешинку, совсем незаметную для других. Также улыбаясь лишь одними глазами, он кивнул и продолжил:

– Первый привал надо постараться сделать в пригороде Арка, если успеем до темноты. Это чуть больше 40 км. Малой, – Джон присел и, взяв голову собаки в руки, посмотрел ему прямо в глаза, – ты идешь впереди. Задача – охранять и ищи.

Джон старался говорить с псом на понятном ему языке, но почему-то ему казалось, что пёс может понять гораздо больше и продолжил:

– Иди тихо и старайся обнаружить врага раньше, чем он тебя. Если увидишь опасность – не лаять, а быстро вернуться к нам. И ещё – нам это поможет видеть то, что будешь видеть ты.

С этими словами Джон одел на собаку ошейник с прикрепленной к нему миникамерой-сканером.

– Проверим как это работает, – с этими словами Джон открыл 3D-экран на своём наручном компьютере, и они увидели висящую в воздухе картинку. На ней были все они, смотревшие вниз, казалось, будто прямо в камеру. Патрик улыбнулся и помахал рукой.

– Всё, вперед Малой, – скомандовал Джон, и пёс быстро метнулся в указанном направлении, – двинулись в путь, друзья мои, Пол замыкающий.

Джон вёл группу, изредка сверяясь с маршрутом на 3D-экране, и постоянно поглядывая на экран, куда поступала картинка с камеры пса-разведчика. Джон всё больше удивлялся способностям их четвероногого друга – тот в точности выполнял указания и двигался как дозорный – бесшумно, скрытно, проверяя окрестности маршрута по обеим сторонам от пути следования и удаляясь от группы не более чем на 1—1,5 км.

Время в дороге шло незаметно и вот уже стало светать, с каждой минутой становилось всё светлее, вскоре показался край солнечного диска, когда они вышли из перелесков на край поля, стало теплее, и вот уже новый день засиял свежими красками золотой осени...

До самой ночи они шли в достаточно быстром темпе и без всяких приключений дошли до первого привала. Подозвав пса собачьим свистком, Джон жестом показал остальным о том, что настало время отдыха. Они устроились на берегу пруда Батавья, за бывшим когда-то складским комплексом, который стал естественной их защитой, и подойти к ним можно было только с двух сторон – вдоль складских стен, по узкой дорожке, идущей вдоль воды. Поев, они расположились вокруг костра, закрытого от любопытных глаз со стороны водоёма деревянным щитом, наспех сколоченным Полом из досок старого причала. Патрик, несмотря на усталость, взялся было помогать своему старшему товарищу, но был быстро послан Полом куда подальше и теперь лежал, положив голову на собаку. Мари, убрав остатки пищи в рюкзак, придвинулась к Джону и, прижавшись к его плечу, молча смотрела на звёзды. Стояла такая ночная

тишина, что казалось ее можно потрогать. Никто не хотел ни говорить, ни двигаться – все устали от большого и тяжёлого первого перехода.

– Патрик, в дальнейшем будет легче, это начало, малыш, поэтому так тяжело. Втянешься и всё будет ок, дорога станет привычной и лёгкой, – неожиданно произнес Пол и погладил мальчика по голове. В его жесте и голосе явно звучала отеческая забота.

Ночь прошла спокойно, и они все смогли отдохнуть. Их всех удивило то, что пёс тоже дежурил, пусть и вместе с Мари, но он явно хотел показать, что сможет и самостоятельно охранять людей.

С первыми лучами солнца, наскоро перекусив, они двинулись в путь в том же порядке, что и вчера. Им также удалось пройти без каких-либо происшествий и весь остальной путь до самого Лилля. Ночевали они в заброшенном доме и под конец третьего дня, по ночи, уже были в городе. Джон знал, что в бывшей студенческой вотчине Вобан-Эскерм сейчас находится белгетто, но останавливаться там им было нельзя. Поэтому они приняли решение стать на ночлег подальше от городских кварталов, где-нибудь в пригороде. Выбрав полуразрушенный дом около реки, они расположились в нём, оборудовав там ночлег. В одной из комнат Мари сделала что-то наподобие кровати из старых ящиков и рваных покрывал. Мальчишка с собакой и Полом устроились в другой. Поужинав, они прилегли вокруг огня и какое-то время они были все вместе, обсуждая увиденное за время пути. А вспомнить им было что. Их поразило и бывшее кладбище домашних животных в одном из городков, на котором были памятники любимцам в стиле хай-тек, сплошь из стекла и металла, впрочем – скорее из остатков, что выглядело ещё более впечатляюще жутко. И свежий могильник, в котором валялись почти не засыпанные землей кости – то ли людей, то ли животных. Причем эти кости были так тщательно обглоданы или очищены от мяса, что даже Малой не стал к ним прикасаться. И разрушенная ферма, во дворе которой висели две женщины, повешенные на собственных волосах.

Потом они разошлись по комнатам, а на дежурство первым вышел пёс. Джон и Мари, уединившись в комнате, услышали, как Пол начал что-то говорить мальчику, было похоже, что он бубнит ему то ли какую-то сказку, то ли историю. Прижавшись к любимому, Мари положила голову ему на плечо и, посмотрев ему в глаза, потянулась своими губами к его. Они слились в поцелуе и он, зарывшись руками в её густых волосах, прижал любимую к себе. Наконец-то они были вместе и смогли насладиться редкими минутами любви и счастья в объятиях друг друга. Страсть обуревала их, и им уже было всё равно – слышит их кто-нибудь или нет! Они отдавались этому волшебному чувству любви, совершенно забыв обо всём. Им было всё равно – что происходит вокруг, что творится за пределами их маленького островка счастья. Они любили здесь и сейчас! Они жили здесь и сейчас!

И пусть весь мир подождет....

Сон

Он шёл по улице какого-то небольшого провинциального городка рядом со своим, давно забытым и потерянным во времени, другом детства. Джону казалось, что это одновременно и его родной город и в то же время – какой-то другой, находящийся на другом краю страны. Они уверенно двигались к двухэтажному дому из белого кирпича, в котором находился их бывший детский сад, куда они ходили вместе и сейчас шли навестить своё детство... Войдя в помещение, они без труда узнавали и игровые комнаты, и спальню и даже туалет, в котором были маленькие унитазы и такие же маленькие писсуары, которые казались им, тогдашним малышам настоящими, а сейчас выглядели такими игрушечными. Проходя по коридору, они увидели закрытую дверь и почему-то оба одновременно почувствовали жгучее желание попасть внутрь помещения за этой дверью, однако она была закрыта. Неожиданно появившаяся откуда-то невзрачная женщина в темно-серой одежде пояснила им, что за этой дверью находится нечистая сила. Да-да – именно так и сказала: «там нечистая сила заперта, жить нам не даёт, поэтому и сад закрыт, и детских голосов здесь давно уже не слышно и всё рушится от этого в этом, когда-то чудном детском мирке». Она заплакала, повернулась и также незаметно исчезла, как и пришла. Они некоторое время стояли около двери и прислушивались. За дверью было тихо. Они приблизились к самому дверному полотну, как вдруг резкий нечеловеческий крик заставил их отпрянуть вглубь коридора и последовавший за ним сильный удар в стену совсем рядом с ними вынудил их обратиться в бегство. Выскочив наружу, они кинулись подальше от этого проклятого места. Пробежав какое-то время, Джон обернулся и увидел, как над зданием появляется чёрное облако или даже, скорее всего, – чёрный туман, который прямо на глазах стал превращаться в осмысленные очертания и пред их глазами в небе образовался черный дракон, состоящий из черного дыма-тумана. Его красные глаза горели неистовым огнём, и страшная голова с разинутой пастью поворачивалась из стороны, как будто ища кого-то. Он озирался, явно выискивая определенную жертву, и тут по спине Джона потекла струйка холодного пота, потому что он вдруг ясно понял, что дракон ищет именно его. Джон стоял как вкопанный, не в силах пошевелиться и смотрел на чудовище, со страхом ожидая того, что могло произойти дальше.... Неожиданно в небе, рядом с этой гадиной, появилось еще одно, гораздо меньших размеров, но такое же мерзкое и страшное творение из такого же грязно-черного смрада. Оно пока было бесформенным, но старалось приобрести какие-то черты, почему-то показавшиеся Джону знакомыми. Но он не успело до конца сформироваться, как совсем неожиданно, в одно мгновение, прямо из облаков, над головой чудовища в небе появился огромный воздушный белый бык. Он пригнулся и вдруг резко ударил большими белыми рогами поднышавшему к нему свою голову дракона. Тот не успел ничего сделать, как бык наступил одним копытом на другую мелкую чёрную тварь, которая заметалась под его мощью из стороны в сторону, но вырваться не смогла и стала быстро таять, таять и исчезла совсем. Вторым копытом бык удерживал хвост и одно крыло дракона, а тот пытался бить вторым крылом и лапами, но бык, склонив голову, рогами удерживал и трепал чудовище. Джон услышал крик своего друга детства и, обернувшись, увидел, как тот машет ему из какого-то маленького вагончика неподалеку. Вбежав туда, Джон увидел своего товарища и каких-то трех тёток, именно тёток, а не женщин – настолько невзрачными, тусклыми и усталыми были их лица. Одетые в похожие серо-черные одежды, ссутулившись, они сидели рядышком на стоящей вдоль одной из стен лавке и, понурив головы, смотрели безжизненными глазами в пол. Вдруг что-то заставило Джона подняться и встать в дверном проёме. Он увидел, как прямо к их убежищу летит потрепанный, с огромными дырами по всему телу, избитый дракон. На лету от него отрывались куски черного дыма и исчезали в синем небе. Резко ринувшись вниз, как падает с неба орел на добычу, чудовище стремительно несло прямо на Джона. Мысль, сверкнувшая в его голове как молния,

заставила его сделать единственно правильно возможное решение – он зажал рот и нос рукой и попытался загородить собой весь дверной проем. Несущаяся на него мерзкая израненная тварь на какой-то миг снизила скорость, а потом сузилась до невероятно малых размеров, и, проскользнув под рукой Джона, исчезла внутри. Повернувшись, он увидел, что все сидят, как ни в чём не бывало, а черная гадина исчезла.

– Где она, в кого она вселилась? – спросил Джон, сразу обращаясь ко всем, но молчание было ответом, и даже его друг продолжал сидеть также, не меняя позы, – хорошо, сейчас мы проверим, кто из нас остался прежним, а кто стал жертвой этой твари. Каждый из вас сейчас пройдет на выход, а мы сами всё поймём.

Вдруг одна из женщин встала, засунула руки в карманы брюк и, как-то неестественно выпрямившись, направилась к выходу, идя вразвалочку как старый бывалый матрос. Она достаточно быстро вышла наружу и тут её походка сменилась, и она пошла как Чарли Чаплин, смешно ставя носки ног наружу, и ей не хватало только трости в руке.

– Она всегда так ходит? – спросил Джон у оставшихся женщин и они наперебой заговорили, что нет, что, дескать, вот её-то и обуяла нечистая сила, что они так и думали, что догадывались, что эта мразь ждала кого-то, и вот это свершилось, а они совсем не причём.... Не дожидаясь конца их стенаний, Джон кинулся наружу и увидел, как быстро исчезает за углом смешная походка несчастной....

– Стой, стой!!! – кричал Джон, на бегу доставая пистолет, и понимая, что совсем бессмысленно то, что делает и что бежит он, скорее всего в ловушку, но он не мог поступить иначе и, продолжая громко кричать, он орал, несясь за ней, – стой, стой, стой....

– Проснись, проснись, Джон, что с тобой!?!? – на него смотрели глаза любимой женщины, полные слез, – всё хорошо, Джон, всё хорошо, успокойся, родной мой, мы с тобой, мы рядом!

Он, всё ещё под властью кошмарного сна, с трудом приходил в себя. Оглянувшись, он увидел, что вокруг кровати, на которой он лежал, собрались все и, почему-то именно на него Джон обратил внимание прежде всего, – даже пёс, сидел молча и серьёзно смотрел на него, не виляя хвостом.

– Ты нас всех напугал своими криками, дружище, – тихим басом произнес Пол, – и мы долго не могли тебя разбудить, пока Малой не лизнул тебе руку. Что там тебе снилось-то?

Мари сидела рядом, и его рука была в ее руках, а она поглаживала его по ладони и встревожено вглядывалась в его лицо, – милый, что же такое тебе приснилось? Ты очень сильно кричал, бился во сне и только Пол тебя смог как-то сдержать, такая силища у тебя была, и ты всё время хотел кого-то догнать и спасти. Расскажи нам, пожалуйста, свой сон и тебе станет легче.

– Сейчас утро или ночь еще? – спросил Джон, с трудом выпрямляясь на кровати.

– Да поспишь тут с тобой, – улыбаясь, пробасил Пол и лукаво подмигнул другу, – так, немного вздремнули, но уже пора собираться в дорогу. Может за чаем нам всё и расскажешь?

– Мы за Вас очень переживали, Джон, – подойдя к нему почти вплотную и глядя ему прямо в глаза, – произнес Патрик.

Потрепав парня по плечу и приобняв его одной рукой, а другой прижав к себе Мари, Джон пошел на кухню, где и рассказал им свой за сон за чашкой ароматного чая и куска ветчины.

Все ещё какое-то время молчали, размышляя над услышанным после того как Джон закончил своё повествование.

– А как ты собирался их этой пукалки завалить нечистую силу? – явно пытаясь разрядить обстановку и прервать затянувшуюся паузу, шутливо спросил Пол, – надо было серебряную пулю хотя бы зарядить, дружище, вдруг сработало бы....

– Так, всё – забыли об этом, – неожиданно резко произнесла Мари, – иначе мы свихнемся тут, пытаясь разгадать этот кошмар. Да и в дорогу пора уже, засиделись мы тут. А ты, милый, постарайся забыть всё это. Если мы будем гадать что да как, да почему – то точно крыша поедет.

Мари покрутила пальцем у виска, потом встала и начала убирать остатки пищи в контейнер и укладывать в рюкзак. Патрик молча помогал ей, а Малой, разлегшись на полу, тихо постукивал по полу хвостом и, поводя головой, наблюдал за людьми, но потом неожиданно замер с высоко поднятой головой и вдруг метнулся прочь из комнаты.

– Ок, забыли, – произнес Джон и, открыв голографическую карту, вместе с другом стали планировать дальнейший маршрут. Пол предлагал идти на Брюссель вдоль дороги, ведущей через Гент, но Джон настаивал продвигаться сельскими дорогами через маленькие городки Ронсе и Нинов, убеждая друга, что так безопаснее. Но внезапно их спор был прерван вбежавшим псом. Он не лаял, а смотрел на них, переводя взгляд с одного на другого. По его глазам было понятно, что произошло что-то плохое....

Погоня

Люди, взглянув на собаку, моментально подобрались, мгновенно собрали все вещи и начали быстро, но осторожно выдвигаться из дома, соблюдая всевозможные меры безопасности – двигаясь бесшумно, с разрывом друг от друга и оглядывая местность вокруг дома. Пёс вел их вперед очень быстро, постоянно поднимая морду вверх и приносясь к запахам, ощущаемым только им. Ни на минуту люди не усомнились в выбранном собакой направлении: между людьми и животным уже давно возникла некая молчаливая, но прочная связь и вера – вера друг в друга. Малой почти бежал, поворачивая то влево, то вправо в узкие проходы между домами, перебегая дворы и даже сквозь полуразрушенные дома – пёс вел своих спасителей всё дальше и дальше от грозящей им смертельной опасности.

Они бежали уже почти два часа, но их вожак не снижал скорости, и было понятно, что, если бы не люди – он давно бы уже мчал во весь опор.... Неожиданно где-то далеко позади раздался резкий и, хоть и приглушенный расстоянием, холодящий душу крик – почти нечеловеческий вопль ярости, ненависти и смерти. Они смогли только расслышать последнее слово, которое еще сильнее подстегнуло их, которое заставило их буквально лететь вперед за своим верным четвероногим другом и спасителем! «Акбар» – вот то, что смогли они расслышать, и что заставило их ускорить свой бег. За ними шла смертельная погоня, а вернее – погоня смерти, которая могла быть страшной, жестокой и изощренной! И если Патрик, глядя на лица своих старших товарищей, мог только догадываться о том, что им грозит, то они-то точно знали весь ужас их положения, если их схватят. Все они не раз видели так называемые «мешки» из людей – страшная смерть, наступавшая от болевого шока: руки связывались высоко над головой, в результате чего кожа на теле несчастного сильно натягивалась, и изверги делали надрез в районе живота по кругу. Затем сдирали кожу с живого человека наверх, за руки, и завязывали её над ними, как завязывают обычный мешок. После чего жертву просто бросали, и человек медленно умирал от жуткой нечеловеческой боли. Видели они и другие, не менее страшные результаты изуверских пыток человеконенавистнических салафитов. А то, что за ними гнались именно они – сомнений ни у кого не осталось. Вот поэтому они и гнали вперед и вперед, полностью доверившись собаке.

А пес вел свою команду всё дальше и дальше, и как Джон успел заметить – уже далеко сзади остались районы Ваттиньи, Ла Круазет и Лиль Сюд, и он понял, что тот ведет их в центр. Не понимая его действий, тем не менее, он видел, что тот явно стремится к какой-то цели. Это было ясно по тому, как пёс меняет направление движения после очередного подъема головы и приносясь к воздуху. Вдруг они услышали, как Малой резко и тонко взвизгнул, потом еще раз, затем залаял и, не переставая бежать, – завыл. Его жутковатый вой напоминал крик о помощи, некий зов друзьям о спасении....

Они пересекли улицу Рю Марсель и оказались на пустыре, с двух сторон зажатой дорогами, а с других – окруженном небольшим, но густым лесочком. Пробежав несколько десятков метров, группа невольно замедлила свой бег и от увиденного они просто похолодели: впереди, вдоль кромки леса, как бы прикрываясь кустарниками, полуприсев на задние лапы, молча стояли псы. Их внешний вид – налитые кровью глаза, оскалившиеся морды и капающая с клыков слюна – представлял собой весь ужас дикой, животной и безжалостной мощи. Сказать, что их было много – это значит, ничего не сказать о том, сколько их вообще. Притормаживая свой бег, Джон успел охватить взглядом эту четвероногую армию, и ему показалось, что их не менее пятисот голов. Малой тоже снизил скорость, но не сильно и, оглянувшись на своих друзей, пару раз негромко гавкнул и мотнул мордой в сторону леса, как бы призывая их продолжать следовать за ним – прямо в молчащую массу животной смерти. Его спокойный и уверенный вид придавал людям сил, и они ускорились, стараясь никоим образом не отстать от сво-

его жожака, наивно полагая, что он смог бы их спасти от этого количества четвероногих убийц. Они приближались всё ближе и ближе к окраине пустыря, и всё яснее им становилась видна вся мощь собачьей армии. Не просто так стояли псы, не какой-то кучей – нет, была видно чёткое построение, присутствовала некая распределенность как позиций, так и задач. Когда вся их компания вплотную приблизилась к строю собак, по какой-то беззвучной команде они расступились и, сопровождаемые взглядом сотнями кроваво-красных глаз, проскользнули в кусты. Строй тут же сомкнул ряды за ними, и полная тишина повисла над грязной кочкастой землёй пустыря. Люди обессилено повалились на землю, с трудом переводя дыхание и, раскинув руки, они наконец-то смогли понять насколько они все устали. Даже их жожек лег на землю, открыл пасть и вывалил язык, тяжело дыша. Затем поднял голову и, оглядывая людей, как бы проверял – все ли на месте. Вдруг совершенно бесшумно из кустов вышла собака и направилась прямо к Малому. Это была белоснежная пушистая сука породы самоед. Ее умные небесно-голубые глаза светились умом, но в то же время в них сквозила такая сила, что люди невольно отводили взгляд. Собака подошла вплотную к псу, тот нехотя поднялся, и они встали напротив, почти касаясь мордами друг друга. Два пса стояли и молча смотрели глаза в глаза, и, не издавали ни звука, казалось, что они говорили друг с другом мысленно.... Людям показалось, что это действие длится долго, но на самом деле прошло всего несколько секунд. Одновременно обе собаки подошли вплотную и положили морды на спины друг друга. Спустя секунду-другую они отодвинулись и разошлись в стороны, и если Малой остался на месте и даже прилег, то глава этой огромной стаи, а то, что это был именно жожек – уже никто из людей не сомневался, также бесшумно исчезла среди кустов. Джон слегка приподнялся и, придвинувшись к кустам, увидел следующую картину: белоснежная хозяйка собачьей армии стояла в окружении десятка огромных псов, своим экстерьером напоминающих ирландских волкодавов и казалось, что она что-то им говорит, хотя не было слышно ни единого звука. Почти одновременно псы разбежались в стороны, а самоедиха неспешно легла на пригорке и стала настороженно вглядываться в тот край пустыря, где проходила дорога. Джон услышал рядом с собой шорох и обернулся. Неподалеку от него лежали Пол и Мари. Пересекаясь с ними взглядом, Джон понял, что его друзья думают о том, что и он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.